

Юта Джин

Когда просыпается девятый месяц

Китайская мифология ✦ Духи времён года

Перерождение ✦ Любовь сквозь столетия

Юта Джин

Когда просыпается девятый месяц

«Автор»

2026

Джин Ю.

Когда просыпается девятый месяц / Ю. Джин — «Автор», 2026

Первая и самая дорогая сердцу книга в жанре романтического фэнтези. В мире, где четыре бессмертных духа управляют временами года, одна случайная чашка чая возвращает утраченную память о любви, которую пытались стереть восемьсот лет. Юй, девушка из маленькой чайной, не помнит своего прошлого. Бай Чэнь, дух осени, не способен забыть его. Когда-то они любили друг друга. Но восемьсот лет назад их любовь привела к катастрофе, последствия которой мир ощущает до сих пор. Теперь прошлое возвращается. И чем ближе герои становятся друг другу, тем меньше времени остаётся до пробуждения девятого месяца — времени, которого не должно существовать.

© Джин Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	6
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Юта Джин

Когда просыпается девятый месяц

КОГДА ПРОСЫПАЕТСЯ

ДЕВЯТЫЙ МЕСЯЦ

Юта Джин

Роман

Содержание

Часть I. Чай и забытые цветы

1. Чайная на улице дождей
2. Человек, пришедший за памятью
3. Имя, которого она не помнит
4. Девятый месяц

Часть II. Любовь, которой не было

5. Сделка с духом осени
6. Мужчина из чужого сна
7. Праздник тысячи фонарей
8. Поцелуй под красными клёнами

Часть III. Девятый месяц

9. Воспоминания, которые убивают
10. Дворец зимних воспоминаний
11. Правда о последнем обещании
12. Та, которую он потерял

Часть IV. Последняя осень

13. Время, которого не существует
14. Последний чай
15. Когда просыпается девятый месяц
16. После последнего листа

Эпилог. Чай из забытых цветов

Глава первая

Чайная на улице дождей

В тот год осень никак не хотела уходить.

Дожди шли уже девятнадцать дней подряд.

Они омывали изогнутые черепичные крыши столицы, стекали по красным стенам императорского дворца и собирались в глубоких лужах на каменных улицах. Бумажные фонари размокали, торговцы накрывали прилавки промасленной тканью, а прохожие прятали лица под широкими рукавами и торопились домой, словно боялись, что вместе с наступлением темноты на улицы выйдет нечто, чему не следует встречаться с живыми.

Впрочем, в последнее время люди боялись не только темноты.

Старый переписчик с улицы Сливовых деревьев забыл собственное имя. Дочь богатого торговца трижды за одну неделю просыпалась посреди ночи с криком, уверяя, что слышит голос умершей матери. А на рынке, возле лавки с сушёными травами, несколько дней подряд появлялась незнакомая женщина в красном платье.

Она стояла под дождём, не двигаясь и не поднимая лица.

Те, кто пытался заговорить с ней, спустя несколько мгновений забывали, зачем остановились.

К четвёртому дню торговцы перестали обращать на неё внимание.

К шестому перестали замечать.

На седьмой день женщина исчезла.

Никто не спросил куда.

В столице предпочитали не говорить о подобных вещах. Люди знали: у каждого явления есть причина, но не всякую причину стоит искать.

Юй тоже старалась не задавать лишних вопросов.

По крайней мере, до тех пор, пока вопросы не начинали задавать ей самой.

Чайная «Тихий дождь» стояла на узкой улице в восточной части столицы, там, где богатые торговые кварталы постепенно уступали место старым жилым домам.

С виду она ничем не отличалась от десятков подобных заведений.

Деревянная вывеска потемнела от времени, на оконных рамах местами облупилась краска, а маленький каменный фонарь у входа давно треснул пополам. В дождливые дни крыша протекала над кладовой, и Юй приходилось ставить под капли широкую глиняную чашу.

Зато внутри всегда было тепло.

Пахло сушёными цветами, свежей древесиной, рисовыми сладостями и чаем. На полках теснились фарфоровые банки с аккуратными надписями, над очагом висели пучки трав, а возле окна стоял старый стол, за которым по утрам любила сидеть сама хозяйка.

Юй утверждала, что это лучшее место во всей чайной.

Не потому, что оттуда открывался красивый вид. За окном находилась стена соседнего дома, по которой стекали дождевые струйки.

Просто здесь было слышно, как капли ударяются о подоконник.

Юй любила этот звук.

Он напоминал ей о детстве, хотя она не могла вспомнить, где именно прошло её детство и почему от тех лет осталось так мало воспоминаний.

Иногда ей казалось, что она помнит чьи-то руки, поправляющие на ней одеяло. Иногда — голос, который пел ей перед сном на незнакомом языке.

Но стоило попытаться разглядеть лицо человека из этих воспоминаний, как перед глазами возникала белая пелена.

Юй давно перестала искать ответы.

У каждого человека есть прошлое, которое он предпочёл бы забыть.

Наверное, решила она, её прошлое ничем не отличалось от чужого.

— Если ты продолжишь смотреть на дождь, он, боюсь, не перестанет идти.

Юй моргнула.

За столом напротив неё сидела госпожа Ло, постоянная посетительница чайной, известная своей привычкой приходить каждый второй день и жаловаться на соседей.

Сегодня она жаловалась на невестку.

— Я не смотрю на дождь, — ответила Юй. — Я думаю.

— О чём?

— О том, что дождь идёт уже девятнадцать дней.

— Вот именно! — Госпожа Ло с возмущением поставила чашку на стол. — Девятнадцать дней. И ни одного солнечного утра. Ты представляешь, сколько белья у меня испортилось?

— Могу предложить чай из сушёных слив. Говорят, он помогает пережить сырую погоду.

— А он помогает пережить невестку?

— Боюсь, с этим он не справится.

Госпожа Ло рассмеялась.

Юй улыбнулась в ответ и забрала пустую чашку.

Когда женщина поднялась, чтобы уйти, она вдруг задержалась возле прилавка.

— Юй, милая, скажи мне кое-что.

— Конечно.

— Ты ведь умеешь определять, что человек чувствует, по запаху чая?

Юй перестала вытирать чашку.

— Кто вам сказал?

— Люди говорят разное. А я вот думаю... Ты могла бы понять, если человек несчастлив в браке?

— Иногда.

— А если он сам не знает, счастлив ли?

Юй задумалась.

— Тогда я бы посоветовала ему сначала выпить чаю.

Госпожа Ло вздохнула так тяжело, словно ей только что сообщили о необходимости пережить ещё один сезон дождей.

— Вот за это я тебя и люблю. Ты всегда знаешь, что сказать.

Она ушла, оставив на столе несколько медных монет.

Юй посмотрела ей вслед и покачала головой.

Она вовсе не всегда знала, что сказать.

Чаще всего она просто старалась говорить так, чтобы людям становилось немного легче.

Это было несложно.

Сложнее было понять, почему иногда она чувствовала чужую боль так, словно та принадлежала ей самой.

К полудню дождь усилился.

В чайную заглядывали промокшие торговцы, двое стражников, мальчик-посыльный и пожилой мужчина, который каждый день заказывал один и тот же чай, но никогда не выпивал его до конца.

Юй знала его уже несколько месяцев.

Он приходил ближе к вечеру, садился за стол у стены и долго смотрел на пустую чашку.

Иногда он улыбался.

Иногда плакал.

Сегодня он появился раньше обычного.

— Господин Чжоу, — позвала Юй, когда он переступил порог. — Вы промокли.

Мужчина словно не слышал её.

Он снял с плеча дорожную сумку, осторожно поставил её на пол и сел за привычный столик.

— Тот же чай? — спросила Юй.

Он кивнул.

— Только без мёда.

— Конечно.

Юй приготовила воду, достала небольшую глиняную банку и отмерила нужное количество листьев.

Для господина Чжоу она всегда заваривала чай из старых листьев пуэра с несколькими лепестками османтуса. Этот напиток обладал глубоким, тёплым ароматом, в котором чувствовались сухая древесина, карамель и что-то едва уловимое, напоминающее запах старых книг.

Обычно такой чай успокаивал.

Сегодня, едва Юй наклонилась над чашкой, она ощутила другой запах.

Холодный.

Сырой.

Запах камня, пролежавшего на дне реки сотни лет.

Юй нахмурилась.

— Господин Чжоу?

Мужчина поднял голову.

— Да?

— Вы хорошо спали этой ночью?

Он посмотрел на неё с удивлением.

— Почему ты спрашиваешь?

Юй поставила перед ним чашку.

— Вы выглядите уставшим.

Это была неправда. Он выглядел не столько уставшим, сколько потерянным.
А ещё от него пахло горькой полынью.
Страхом.
Но не собственным.
Юй села напротив.
— Вы снова слышали её?
Пальцы старика замерли над чашкой.
Несколько секунд он молчал.
Потом медленно опустил руку.
— Я думал, что больше не буду об этом говорить.
— Вы и не обязаны.
— Но ты всё равно знаешь.
Юй не ответила.
Господин Чжоу посмотрел в окно.
— Сегодня утром я услышал, как она зовёт меня из кухни. Совсем как раньше. Я даже встал, чтобы проверить, не нужна ли ей помощь.
Он усмехнулся, но улыбка получилась жалкой.
— А потом вспомнил, что её нет уже три года.
Дождь постучал по оконной раме.
— Ты когда-нибудь теряла человека, которого любила? — спросил старик.
Юй опустила взгляд.
Вопрос показался ей странно болезненным.
— Не знаю, — честно ответила она. — Иногда мне кажется, что да. Но я не могу вспомнить.
Господин Чжоу посмотрел на неё внимательнее.
— Как это — не можешь вспомнить?
— Именно так.
Он хотел что-то сказать, но передумал.
Юй протянула руку к его чашке.
— Позвольте мне приготовить другой чай.
— Ты ведь уже приготовила.
— Этот не поможет.
— А другой поможет?
Она посмотрела на старика.
— Не знаю. Но мы можем попробовать.
В кладовой хранились несколько редких смесей, которые Юй не предлагала посетителям. Среди них был чай из высушенных лепестков белой сливы, собранных ранней весной, когда на ветках ещё лежал снег.
Она добавила к ним немного сушёного османтуса и одну каплю мёда.
Вода в чайнике тихо зашумела.
Когда Юй накрыла чашку крышкой, ей почудилось, что кто-то произнёс её имя.
Она резко обернулась.
В чайной никого не было.
— Что случилось? — спросил господин Чжоу.
— Ничего.
Юй открыла крышку.
Аромат белой сливы оказался неожиданно ярким.
На мгновение ей показалось, что она стоит в саду, полном цветущих деревьев. Ветер касается её щёк, под ногами хрустит тонкий лёд, а где-то впереди кто-то смеётся.

Затем видение исчезло.

Юй моргнула и поставила чашку перед стариком.

— Выпейте медленно. И постарайтесь не думать о том, что услышали.

— А о чём мне думать?

— О том, что она говорила вам, когда была жива.

Старик посмотрел на чай.

— Она всегда ругала меня за то, что я слишком быстро пью.

— Тогда сегодня не спешите.

Господин Чжоу улыбнулся.

Он поднёс чашку к губам и сделал маленький глоток.

Потом ещё один.

Через несколько минут его плечи расслабились.

Он перестал смотреть на пустое место напротив себя и впервые за долгое время выпил чай до конца.

Когда мужчина поднялся, чтобы уйти, его глаза были влажными, но на лице появилось выражение тихого спокойствия.

— Спасибо, Юй.

— Приходите, когда захотите.

Он поклонился и вышел под дождь.

Юй долго смотрела на закрывшуюся дверь.

Она не знала, помог ли ему чай.

Но надеялась, что сегодня вечером он сможет уснуть.

И не услышит голос, который больше не должен был принадлежать этому миру.

К вечеру дождь стал почти прозрачным.

Сумерки опустились на город, фонари зажглись один за другим, а последние посетители поспешили домой.

Юй закрыла ставни, убрала чашки и пересчитала выручку.

Денег оказалось меньше, чем она рассчитывала.

Нужно было купить рис, заплатить за дрова и отложить немного на ремонт крыши.

Она вздохнула.

— Если дождь продлится ещё неделю, — пробормотала девушка, — мне придётся про-
давать собственные волосы.

— В таком случае надеюсь, что дождь закончится раньше.

Юй вздрогнула.

Голос прозвучал из дальнего угла чайной.

Она обернулась.

У стены сидел молодой человек, которого она прежде не видела.

Он был одет в длинное белое одеяние, почти не тронутое влагой, хотя за окнами по-прежнему лил дождь. Тёмный пояс подчёркивал тонкую талию, а серебристые волосы были собраны нефритовой заколкой.

Его лицо казалось слишком совершенным, чтобы быть обыкновенным.

Не красивым в привычном человеческом смысле, а каким-то отстранённым, словно мастер создал его, но забыл добавить последние штрихи, делающие живого человека несовершенным.

Бледная кожа.

Чёткие линии скул.

Прямой нос.

И глаза.

Светло-серые, почти прозрачные.

Юй не могла определить их возраст.

В них не было ни юношеской горячности, ни усталости зрелого человека.

Они напоминали зимнее озеро, которое не замерзает только потому, что под его поверхностью давно перестало двигаться течение.

Девушка медленно положила счёты на прилавок.

— Простите, я не слышала, как вы вошли.

— Я заметил.

Он говорил спокойно, без насмешки.

От этого Юй почему-то стало ещё неуютнее.

— Чайная закрывается, — сказала она.

— Тогда я успел вовремя.

— Для чего?

— Чтобы заказать чай.

Юй посмотрела на часы, висевшие возле двери.

До закрытия оставалось несколько минут, но обычно в это время она уже не принимала новых посетителей.

Впрочем, мужчина не выглядел человеком, который привык слышать отказы.

— Какой чай вы желаете?

Он поднял глаза.

— Из цветов цзиньгуй.

Юй нахмурилась.

Цзиньгуй — осенний османтус. Его золотистые цветы обладали сильным сладким ароматом, напоминающим мёд и спелые фрукты.

Но мужчина произнёс название иначе.

Не как обычный посетитель, заказывающий знакомый сорт.

Скорее так, словно называл имя давно умершего человека.

— У меня есть османтус, — ответила Юй. — Но если вы имеете в виду старый сорт из долины Лунного ручья, то его не выращивают уже несколько столетий.

— Восемьсот лет.

Она замолчала.

Мужчина смотрел на неё с тем же бесстрастным выражением.

— Последний цветок этого дерева распустился восемьсот лет назад, — продолжил он.
— Я хочу чай из него.

Юй невольно усмехнулась.

— Тогда вам придётся обратиться к садовникам императорского дворца. Возможно, они сумеют вырастить что-то подобное.

— Не сумеют.

— Почему вы так уверены?

— Потому что дерева больше нет.

Он произнёс это без малейшего сожаления.

Юй скрестила руки на груди.

— В таком случае боюсь, что не смогу вам помочь.

— Сможешь.

— Вы всегда так разговариваете с незнакомыми людьми?

— Только когда знаю, что они мне помогут.

— А если я откажусь?

Мужчина посмотрел на неё.

Впервые за весь разговор в его глазах появилось что-то похожее на интерес.

— Тогда я буду вынужден искать другой способ.

— Какое облегчение. Я уж решила, что вы собираетесь угрожать мне.

— А это помогло бы?

Юй открыла рот, но не сразу нашла ответ.

Мужчина слегка наклонил голову.

— Ты всегда задаёшь так много вопросов?

— Только тем, кто приходит в мою чайную и требует цветы, не существующие восемьсот лет.

— Разумно.

Он произнёс это совершенно серьёзно.

Юй не удержалась от короткого смеха.

Мужчина посмотрел на неё так, словно она совершила нечто неожиданное.

— Что смешного?

— Ничего.

— Ты смеёшься.

— Люди иногда смеются, даже когда ничего смешного не происходит.

— Зачем?

Юй уставилась на него.

Теперь она почти не сомневалась, что перед ней либо сумасшедший, либо очень богатый человек, которого с детства никто не учил разговаривать с окружающими.

— Вы серьёзно?

— Разве я похож на человека, который шутит?

Нет, подумала Юй.

На человека он вообще был похож не слишком сильно.

Но вслух она сказала:

— Позвольте угадать. Вы приехали издалека, потеряли что-то важное и решили, что весь мир обязан помочь вам это найти?

Мужчина не ответил.

Его взгляд скользнул к чашкам на полке.

На мгновение в глазах мелькнуло что-то странное.

Не гнев.

Не печаль.

Скорее раздражение человека, который услышал знакомую мелодию, но не смог вспомнить, где слышал её раньше.

— Возможно, — произнёс он наконец.

Юй вздохнула.

— Хорошо. Я приготовлю вам лучший османтус, который у меня есть. Но предупреждаю: это будет обычный чай.

— Я знаю, что такое обычный чай.

— Тогда вы знаете, что он не вернёт вам восемьсот лет.

Мужчина медленно поднял на неё глаза.

И впервые его лицо изменилось.

Совсем немного.

Но Юй заметила.

— Кто сказал тебе, что я хочу вернуть время?

Вопрос прозвучал так тихо, что девушка едва расслышала его.

Она не знала ответа.

Поэтому просто отвернулась к полкам.

— Садитесь у окна. Я скоро вернусь.

Он не поблагодарил её.

Даже не кивнул.

Но когда Юй оглянулась, мужчина уже сидел за столиком у окна.

Там, где она сама любила проводить дождливые вечера.

Для этого чая Юй выбрала маленький фарфоровый чайник с изображением белой сливы.

Она не знала почему.

Возможно, потому что мужчина казался ей человеком, которому не подошёл бы яркий узор.

Возможно, потому что белая слива всегда напоминала ей о чём-то важном, чему она пока не могла подобрать название.

Она отмерила листья османтуса, добавила немного зелёного чая и залила их водой, нагретой до нужной температуры.

Первые секунды ничего не происходило.

Затем аромат начал подниматься над чайником.

Золотистый, сладкий, чуть терпкий.

И вдруг Юй услышала голос.

— Не этот.

Она застыла.

Голос был женским.

Тихим, словно доносился из-за закрытой двери.

Юй оглянулась.

В чайной никого не было, кроме незнакомца у окна.

Он сидел неподвижно, глядя на дождь.

— Не этот чай, — повторил голос.

На этот раз Юй отчётливо услышала его у себя за спиной.

Она резко повернулась.

На мгновение ей показалось, что возле полок стоит женщина в красном платье.

Длинные чёрные волосы.

Белая кожа.

Тонкие пальцы, сжимающие край рукава.

Лица она не видела.

Женщина словно находилась по другую сторону воды, и очертания её фигуры постоянно расплывались.

Юй моргнула.

Видение исчезло.

Чайник тихо зашумел.

Девушка отступила на шаг и прижала ладонь к груди.

Она давно не слышала голосов в пустых помещениях.

Обычно они появлялись только возле могил, старых вещей или людей, которые стояли на пороге смерти.

Но здесь...

Здесь не было ничего, что могло бы вызвать подобное.

Кроме незнакомца.

Юй медленно посмотрела на него.

Мужчина по-прежнему сидел у окна.

Однако теперь его взгляд был направлен не на улицу.

Он смотрел прямо на неё.

И, кажется, ждал.

Когда Юй поставила перед ним чайник, он даже не посмотрел на чашку.

— Вы уверены, что хотите именно этот сорт? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему заказали?

— Потому что другого у меня нет.

Юй нахмурилась.

— Я не понимаю.

— Не обязательно понимать всё, что слышишь.

— Очень удобная философия.

— Она позволяет жить дольше.

Юй невольно улыбнулась.

— Вы говорите так, словно прожили уже несколько жизней.

— Возможно, больше.

Она решила, что он шутит.

Но выражение его лица оставалось совершенно серьёзным.

Юй налила чай.

Мужчина взял чашку обеими руками.

Его пальцы были длинными и необычайно бледными.

Когда он поднёс чашку к губам, Юй заметила, что его рука едва заметно дрогнула.

Всего на мгновение.

Затем он сделал глоток.

И замер.

За окном продолжал идти дождь.

Где-то на улице звякнул колокольчик торговца сладостями.

Огонь в очаге тихо потрескивал.

Мужчина медленно опустил чашку.

— Где ты научилась этому рецепту?

Юй почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— У моей приёмной матери.

— Как её звали?

— Линь Мэй.

Он повторил имя про себя.

Затем покачал головой.

— Нет. Не она.

— Простите?

— Это не её рецепт.

Юй нахмурилась.

— Откуда вы знаете?

Мужчина провёл большим пальцем по краю чашки.

— Потому что я сам когда-то учил её готовить этот чай.

Юй не сразу поняла смысл сказанного.

— Вы знали мою мать?

— Нет.

— Но вы только что сказали...

— Я сказал, что учил её готовить этот чай. Не твою мать.

Он поднял взгляд.

— Ты ведь знаешь, что у тебя было другое имя?

Юй перестала дышать.

В чайной стало так тихо, что она услышала, как капля воды сорвалась с крыши и удари-
лась о каменный порог.

— Что вы сказали?

Мужчина не ответил.

Он смотрел на неё с выражением, которого Юй не могла понять.

Словно видел перед собой нечто невозможное.

Словно она была одновременно чужой и знакомой.

Затем он осторожно поставил чашку на стол.

— Как давно ты живёшь в этой чайной?

— С детства.

— С какого именно?

— Я не помню.

Впервые за весь вечер мужчина отвёл взгляд.

Юй почувствовала, как внутри поднимается тревога.

— Кто вы такой?

Он долго молчал.

Затем произнёс:

— Человек, который слишком долго пытался забыть.

— Что забыть?

— То, что не следовало помнить.

Он поднялся.

Юй невольно отступила.

Не потому, что мужчина угрожал ей.

Напротив.

Он двигался так плавно, что в его жестах не было ничего опасного.

И всё же ей казалось, что если он захочет, то сможет остановить дождь одним движением руки.

Незнакомец положил на стол несколько серебряных монет.

— Чай был хорошим.

— Вы не допили.

— Я знаю.

Он направился к выходу.

Юй смотрела ему вслед, пытаясь понять, почему ей вдруг стало страшно.

Не из-за его слов.

Не из-за странного взгляда.

А потому, что всё это время она чувствовала исходящую от него пустоту.

Теперь же в этой пустоте появилась трещина.

И за ней скрывалось что-то огромное.

Что-то, что долгое время было заперто.

— Подождите! — позвала Юй.

Мужчина остановился.

— Как вас зовут?

Он медленно повернулся.

Несколько секунд смотрел на неё, будто решал, стоит ли отвечать.

— Бай Чэнь.

Имя прозвучало тихо.

Но в тот же миг огонь в очаге погас.

Все свечи в чайной дрогнули и потухли одна за другой.

За окном ветер сорвал с ближайшего дерева последние красные листья.

Они закружились в воздухе, словно невидимая рука подхватила их и потянула к небу.

Юй почувствовала резкую боль в груди.

На мгновение ей показалось, что кто-то обнял её со спины.

Она ощутила запах холодного дождя, древесной коры и цветов, которых никогда не видела.

И услышала тихий женский голос.

«Ты обещал вернуться».

Юй пошатнулась.

Перед глазами потемнело.

Когда она снова смогла видеть, Бай Чэнь стоял совсем близко.

Он поддерживал её за локоть.

Его пальцы были холодными.

Не просто прохладными, как у человека, долго находившегося на улице.

Они были холодны, как первый снег.

— Что с тобой? — спросил он.

Юй подняла голову.

И вдруг поняла, что боится не этого незнакомца.

Она боится того, что рядом с ним чувствует себя так, словно вернулась домой после долгого отсутствия.

Хотя никогда прежде не бывала в этом доме.

— Ничего, — прошептала она.

Бай Чэнь внимательно посмотрел на неё.

Затем его взгляд опустился к её губам.

На мгновение лицо мужчины изменилось.

В его глазах возникло выражение такой глубокой, почти невыносимой боли, что Юй невольно перестала дышать.

Он смотрел на неё так, словно перед ним стоял человек, которого он потерял очень давно.

И которому не имел права говорить, как сильно скучал.

— Ты... — начал он.

Но не закончил.

Его рука медленно разжалась.

Юй едва удержалась на ногах.

— Мы знакомы? — спросила она.

Бай Чэнь закрыл глаза.

Когда он снова посмотрел на неё, в его взгляде не осталось ничего, кроме привычного холода.

— Нет.

Он произнёс это слишком быстро.

Слишком уверенно.

Затем направился к двери.

— Подождите, — снова позвала Юй. — Вы забыли...

Она хотела указать на оставленные монеты, но замолчала.

Мужчина уже стоял на пороге.

Дождь больше не казался таким сильным.

Ветер стих.

Бай Чэнь посмотрел через плечо.

— Юй.

Она удивлённо подняла голову.

— Да?

Он долго смотрел на неё.

А затем тихо произнёс:

— Не позволяй никому рассказывать тебе о девятом месяце.

Дверь закрылась.
Юй осталась одна.
Несколько секунд она стояла неподвижно, прислушиваясь к шагам незнакомца.
Но шагов не было.
Она бросилась к окну.
Улица оказалась пустой.
Ни белого одеяния, ни серебристых волос, ни следов на мокрых камнях.
Только красные листья медленно кружились в воздухе.
Хотя ветра не было.
Юй вернулась к столу.
Чашка Бай Чэня стояла на прежнем месте.
Чай в ней остыл.
Девушка осторожно взяла её в руки.
На дне чашки лежал маленький золотистый лепесток.
Она никогда прежде не видела такого цветка.
Но стоило коснуться его пальцами, как в голове вспыхнуло чужое воспоминание.
Золотое дерево.
Белое одеяние.
Мужчина, который стоял под дождём и протягивал ей руку.
И голос.
Тихий, почти отчаянный.
«Если в следующей жизни ты не узнаешь меня, я всё равно найду тебя».
Юй резко отдернула руку.
Чашка выскользнула из пальцев и разбилась о пол.
В ту же секунду где-то далеко, за пределами столицы, прозвучал колокол.
Один удар.
Затем второй.
На девятом ударе весь город погрузился в тишину.
Дождь остановился.
Листья замерли в воздухе.
А в самой глубине древнего леса, где уже восемьсот лет не цвели золотые деревья, распустился первый цветок.
И осень впервые за много столетий вспомнила, кого потеряла.

Глава вторая. Человек, пришедший за памятью

Утром дождь не вернулся.
Это было первым, что заметила Юй, открыв ставни.
За ночь улица успела высохнуть. Каменные плиты блестели в свете раннего солнца, с крыш падали последние капли, а в узких лужах отражались карнизы домов и красные фонари, которые торговцы ещё не успели снять после вчерашнего праздника. Воздух пах мокрым деревом, холодной золой и чем-то сладким — словно где-то неподалёку распустился цветок, которого здесь никогда не росло.
Юй долго смотрела на небо.
Девятнадцать дней оно было затянуто тучами. Девятнадцать дней дождь шёл с такой настойчивостью, будто небеса пытались смыть с города что-то невидимое.
И вот теперь солнце.
Она должна была обрадоваться.
Вместо этого Юй коснулась серебряной шпильки в волосах и невольно вспомнила мужчину в белом.

Бай Чэнь.

Имя, произнесённое им, было простым. Два коротких слога, в которых не слышалось ни угрозы, ни просьбы. Но с тех пор, как незнакомец ушёл, Юй чувствовала себя так, словно эти слоги оставили на её коже невидимый след.

Она помнила холод его пальцев, когда он удержал её от падения. Помнила его лицо — прекрасное и неподвижное, словно вырезанное из зимнего камня. Помнила, как он смотрел на неё.

Так не смотрят на незнакомцев.

Но ещё хуже было другое.

Юй не могла вспомнить, что именно увидела, прикоснувшись к золотому лепестку.

В памяти сохранилось лишь несколько обрывков: дерево с золотыми листьями, белые одежды, чья-то рука, крепко сжимающая её ладонь.

И голос.

Если в следующей жизни ты не узнаешь меня, я всё равно найду тебя.

Она произнесла эти слова вслух, почти беззвучно.

— Глупость какая.

Голос прозвучал слишком резко в пустой чайной.

Юй закрыла ставни, спустилась вниз и принялась за работу.

Она не собиралась позволять одному странному человеку нарушить привычный порядок её жизни. У неё было три ящика свежего чая, две корзины засахаренных слив, долг торговцу рисом и посетители, которые наверняка придут жаловаться, что после стольких дней дождя у них промокли все запасы.

Обычные дела.

Обычный день.

Она повторила это про себя несколько раз, пока ставила чайник на огонь.

К полудню чайная наполнилась голосами.

Госпожа Ло, как всегда, заняла место у окна и потребовала жасминовый чай покрепче. Два торговца спорили о цене шёлка. Молодая пара делила тарелку сладких лепёшек и старательно делала вид, что не замечает друг друга.

Всё было как прежде.

Почти.

— Хозяйка Юй, — позвал её старик Чжоу, тот самый посетитель, который вчера услышал голос своей умершей жены. — Ты сегодня выглядишь так, будто всю ночь не спала.

— А вы сегодня выглядите так, будто собираетесь снова спорить с призраками.

Старик рассмеялся.

— Если они начнут платить за чай, я готов спорить с ними хоть до утра.

Юй улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

На столе у старика стояла чашка белого сливового чая. Он выпил его до последней капли, а потом аккуратно повернул чашку ручкой к себе — так, как делал вчера, когда говорил о жене.

— Она приходила ко мне во сне, — сказал он тише. — Впервые за много месяцев.

Юй присела напротив.

— И что она сказала?

— Ничего. Просто стояла у старого колодца. А потом посмотрела на меня так, словно я опоздал.

Старик замолчал.

— Знаешь, что странно? — продолжил он наконец. — Я не помню, как она выглядела в последний год жизни. Болезнь изменила её лицо, и мне тяжело было смотреть. Я старался запомнить её молодой. Но сегодня ночью... я увидел её такой, какой она была в день нашей свадьбы.

Он потёр ладонью подбородок.

— А утром забыл цвет её платья.

Юй почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Может быть, это просто сон.

— Может быть.

Старик не стал спорить. Он оставил на столе несколько медных монет и ушёл, прихрамывая, хотя обычно его шаги были куда бодрее.

Юй проводила его взглядом.

Вчерашний незнакомец говорил о памяти.

Золотой лепесток появился после его ухода.

А старик, который много лет не мог вспомнить лицо умершей жены, увидел её во сне именно в ту ночь, когда дождь наконец прекратился.

Совпадение.

Юй очень хотелось, чтобы это было совпадением.

Она нашла лепесток в нижнем ящике, куда спрятала его перед сном.

В солнечном свете он выглядел почти обыкновенным: тонкий, чуть изогнутый, золотистый по краям. Если бы не необычная плотность, его можно было бы принять за лепесток осенней хризантемы.

Но Юй знала, что это не хризантема.

Она осторожно положила его на белую фарфоровую тарелку и взяла деревянные щипцы.

Лепесток не шелохнулся.

Юй коснулась его кончиком щипцов.

Ничего.

Она поднесла тарелку ближе к окну.

Ничего.

— Значит, ночью я просто слишком устала, — пробормотала она.

— Ты всегда разговариваешь с посудой?

Юй вздрогнула так сильно, что щипцы едва не выскользнули из пальцев.

Бай Чэнь стоял у входа.

На этот раз он не появился из тумана и не заставил свечи погаснуть. Просто вошёл, словно был обычным посетителем, который решил выпить чаю перед обедом.

Его белые одежды не запылились от улицы. Длинные чёрные волосы были собраны серебряной застёжкой, а тонкая прядь у виска казалась почти бесцветной.

Вокруг него пахло холодными листьями.

Юй выпрямилась.

— У вас отвратительная привычка появляться без предупреждения.

— Я постучал.

— Я не слышала.

— Значит, ты была занята.

Он произнёс это с таким невозмутимым видом, что Юй на мгновение растерялась.

— Вы всегда так разговариваете с людьми?

— Как?

— Будто уже знаете, что они ответят.

Бай Чэнь посмотрел на неё.

— Обычно я не задаю вопросов, если знаю ответ.

— Тогда, должно быть, вы ужасно скучный собеседник.

Он не ответил.

Юй неожиданно поняла, что хочет рассмеяться. Не потому, что он сказал что-то смешное, — скорее потому, что его молчание было настолько непробиваемым, что хотелось проверить, можно ли хоть чем-нибудь вызвать в нём трещину.

Но она сдержалась и указала на стол.

— Вы пришли за лепестком?

— Нет.

— Тогда за чаем?

— Да.

— Какой именно?

— Тем, о котором я просил вчера.

Юй скрестила руки на груди.

— Чай из цветов, которые не растут восемьсот лет?

— Верно.

— У меня нет таких цветов.

— Есть.

Она медленно повернула голову к тарелке.

Золотой лепесток лежал посреди фарфора.

— Это не цветок.

— Это его часть.

— И вы рассчитываете, что я заварю её в кипятке?

— Я рассчитываю, что ты приготовишь чай так, как тебя учили.

Юй почувствовала раздражение.

— Меня учили готовить чай из того, что можно купить на рынке. Меня учили не отравлять посетителей, не тратить дорогие листья впустую и не задавать вопросов, если покупатель предпочитает молчать. Никто не учил меня заваривать высохшие лепестки неизвестного происхождения.

— Твоя мать учила тебя другому.

Юй замерла.

— Не говорите о моей матери.

Бай Чэнь впервые отвёл взгляд.

— Лин Мэй знала этот рецепт.

— Лин Мэй была моей приёмной матерью. Она умерла, когда я была маленькой. И если вы действительно её знали, то должны понимать, что я не стану слушать незнакомца, который приходит в мою чайную, говорит загадками и утверждает, будто знает обо мне больше меня самой.

На мгновение между ними повисла тишина.

Затем Бай Чэнь сказал:

— Она боялась, что однажды ты вспомнишь.

Юй почувствовала, как у неё похолодели ладони.

— Что вспомню?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Меня.

Слова прозвучали негромко.

И всё же Юй показалось, будто где-то за стенами чайной лопнула тонкая ледяная корка.

Она заставила себя усмехнуться.

— Вы слишком высокого мнения о себе.

— Возможно.

— Тогда почему вы пришли?

Бай Чэнь не ответил сразу. Он прошёл к столику у окна, снял верхнюю накидку и положил её на спинку стула. Движения были точными, почти беззвучными. Он сел так, словно собирался провести здесь весь день.

— Мне нужен чай, который позволит забыть.

Юй перестала улыбаться.

— Забыть что?

— Последнее воспоминание о человеке.

— Люди не забывают по заказу.

— Люди — нет.

Он посмотрел на свои руки.

— Но ты можешь приготовить чай, который поможет им перестать держаться за то, что уже ушло.

Юй медленно села напротив.

В его голосе не было ни печали, ни жалобы. Но в том, как он произнёс слово «ушло», было что-то такое, от чего ей захотелось накрыть его руки своими — хотя она едва выносила его присутствие.

Она отдернула эту мысль, прежде чем успела понять её причину.

— И вы хотите забыть женщину?

Бай Чэнь поднял глаза.

— Я хочу забыть всё, что осталось от неё.

— Это не одно и то же.

— Для меня — одно.

— Вы её ненавидите?

— Нет.

— Она предала вас?

— Нет.

— Тогда почему вы хотите забыть?

Он долго молчал.

За окном торговец выкрикивал цену на свежие груши. Кто-то рассмеялся на улице. В чайной тихо потрескивал уголь под чайником.

Наконец Бай Чэнь произнёс:

— Потому что я помню, как она умирала.

Юй не знала, что ответить.

Он сказал это без надрыва, без дрожи в голосе. Словно рассказывал о том, как однажды зимой замёрзла река.

Но его пальцы медленно сжались на краю стола.

— Я помню каждый звук, — продолжил он. — Каждый вдох. То, как её рука становилась холоднее в моей. То, как она смотрела на меня, когда поняла, что я не смогу её спасти.

Юй опустила взгляд.

— Мне жаль.

— Не нужно.

— Я всё равно сожалею.

— Ты не знаешь, о чём.

Она снова посмотрела на него.

— Возможно. Но это не мешает мне сочувствовать.

Бай Чэнь словно не понял этих слов.

В его взгляде мелькнуло что-то похожее на растерянность — настолько мимолётное, что Юй могла бы принять его за игру света.

— Сочувствие ничего не меняет, — сказал он.

— Не всё, что имеет значение, должно что-то менять.

На этот раз он не ответил вовсе.

И почему-то именно тогда Юй впервые почувствовала, насколько он одинок.

Не так, как бывают одиноки люди, которым не с кем поговорить. Его одиночество было древним и неподвижным. Оно не ждало, что кто-нибудь придёт и прогонит его. Оно просто существовало — как гора, как зима, как тень под корнями старого дерева.

Юй встала.

— Я не обещаю, что смогу приготовить ваш чай.

— Я знаю.

— И не обещаю, что он поможет.

— Я знаю.

— Тогда зачем вы здесь?

Бай Чэнь поднял на неё глаза.

— Потому что однажды ты уже приготовила его для меня.

Юй почувствовала, как сердце пропустило удар.

— Я никогда не видела вас до вчерашнего вечера.

— Я знаю.

— Тогда перестаньте говорить так, будто...

Она не договорила.

Потому что внезапно услышала голос.

Не голос Бай Чэня.

Женский.

Тихий, усталый, знакомый до боли.

Не этот чай.

Юй застыла.

На мгновение чайная исчезла.

Перед глазами возник сад, залитый золотым светом. Ветер шевелил длинные ветви дерева, листья которого сияли, словно тонкие пластинки золота. Под деревом стояла женщина в красном платье.

Лица её Юй не видела.

Только руки.

Белые, изящные, с тонким шрамом у основания большого пальца.

Женщина держала чашку и смотрела на мужчину перед собой.

— Если ты выпьешь его, — сказала она, — ты забудешь не только боль.

Мужчина стоял к Юй спиной.

Но она знала, кто это.

Бай Чэнь.

Он был одет в белое, и длинные волосы падали на плечи. Его рука дрогнула, когда женщина коснулась чашки.

— Я хочу забыть, — произнёс он.

— Нет. Ты хочешь перестать страдать.

— Разве это не одно и то же?

Женщина покачала головой.

— Нет, Чэнь.

Она впервые назвала его по имени.

И Юй ощутила странную, невозможную боль, словно эти два слога принадлежали ей самой.

— Если ты забудешь меня, — прошептала женщина, — кто останется помнить, что мы были счастливы?

Бай Чэнь закрыл глаза.

— Я больше не могу.

— Знаю.

Женщина поставила чашку на камень.

— Тогда хотя бы пообещай мне одну вещь.

— Всё, что захочешь.

— Когда-нибудь, если мы встретимся снова, не пытайся сделать меня той, кем я была.

Ветер поднял золотые листья.

Женщина улыбнулась.

— Позволь мне стать кем-то другим.

Воспоминание оборвалось.

Юй резко вдохнула и схватилась за край стола.

Чайная вернулась на место. За окном шумела улица. Чайник на огне тихо свистел.

Бай Чэнь стоял рядом с ней.

Он успел подхватить её, прежде чем она упала.

— Что ты увидела? — спросил он.

Его голос был другим.

Не холодным.

Испуганным.

Юй попыталась вырваться, но ноги не слушались.

— Отпустите меня.

Он сразу разжал руки.

Это удивило её больше, чем само видение.

Бай Чэнь отступил на шаг, внимательно вглядываясь в её лицо.

— Ты вспомнила?

— Нет.

Ответ вырвался слишком быстро.

Он заметил.

— Юй...

— Не называйте меня так.

Бай Чэнь замолчал.

На мгновение ей показалось, что он сейчас произнесёт другое имя. То самое, которое пряталось где-то за её снами, за золотым деревом, за голосом женщины в красном.

Но он лишь опустил глаза.

— Хорошо.

И почему-то это простое согласие причинило ей почти такую же боль, как воспоминание.

К вечеру Юй решила, что больше не станет прикасаться к лепестку.

Она завернула его в несколько слоёв ткани, убрала в деревянную шкатулку и заперла её на ключ. Потом отнесла шкатулку в кладовую и поставила на самую верхнюю полку.

Это было разумно.

Разумнее, чем пытаться понять, почему незнакомец знал её мать. Разумнее, чем спрашивать себя, почему она увидела воспоминание, которое не могло принадлежать ей. Разумнее, чем думать о том, как Бай Чэнь посмотрел на неё, когда она попросила его отпустить.

Она собиралась забыть обо всём до утра.

Но в тот вечер чайная не желала отпускать её.

После закрытия Юй долго сидела у печи, перебирая записи Лин Мэй. Старые рецепты были переписаны аккуратным почерком: количество листьев, температура воды, время настаивания. Некоторые страницы пожелтели настолько, что слова почти исчезли.

Юй знала эти записи наизусть.

И всё же что-то заставило её остановиться на последней странице.
Там не было рецепта.
Только короткая фраза, написанная чернилами, которые давно выцвели.
Если придёт человек с осенними глазами, не позволяй ему пить чай из золотого цветка.
Юй перечитала её трижды.
Затем перевернула страницу, надеясь найти продолжение.
На обороте проступал след от печати — круг с четырьмя тонкими линиями, расходившимися в разные стороны. В центре был изображён цветок с девятью лепестками.
Девять.
Юй провела пальцем по бумаге.
— Девятый месяц, — прошептала она.
Слова, произнесённые Бай Чэнем накануне, вернулись к ней с такой ясностью, словно он стоял рядом.
Не позволяй никому рассказывать тебе о девятом месяце.
Она захлопнула книгу.
В этот миг что-то ударило в дверь.
Юй вздрогнула.
— Закрыто!
Ответа не последовало.
Она подошла к двери и осторожно приоткрыла её.
На пороге никого не было.
Только маленькая белая коробочка, перевязанная серебряной нитью.
Юй оглядела улицу. Фонари покачивались на ветру, издали доносились голоса поздних прохожих. Никто не оборачивался к чайной.
Она подняла коробочку и вернулась внутрь.
В ней лежала сухая веточка с тремя золотистыми бутонами.
Юй не знала этого растения. Ни один из её справочников не описывал цветы такой формы. Каждый бутон был закрыт тонкими прозрачными лепестками, а на стебле не было ни единого листа.
Под веточкой лежала записка.
Всего одна строка.
Не позволяй ему вспомнить последний вечер.
Юй перечитала её.
Потом ещё раз.
И только тогда заметила, что почерк был знакомым.
Она видела его на старых рецептах Лин Мэй.
Юй прижала записку к ладони.
Внутри неё поднимался страх — тихий, холодный, почти разумный.
Она могла выбросить коробочку. Сжечь записку. Сделать вид, что ничего не произошло.
Но теперь знала: кто-то ещё помнил о золотом цветке.
И кто-то очень боялся, что Бай Чэнь вспомнит больше, чем должен.
В ту же ночь, далеко за пределами столицы, Бай Чэнь стоял у берега высохшей реки.
Здесь не было ни домов, ни дорог. Только чёрные камни, сухая трава и деревья, с которых осыпались листья, не успевшие пожелтеть.
Над рекой висела луна.
Она была полной, хотя до полнолуния оставалось ещё несколько дней.
Бай Чэнь смотрел на своё отражение в неподвижной воде.
В отражении его волосы казались совершенно чёрными. Ни одной серебряной пряди. Ни следа усталости на лице.

Он протянул руку и коснулся поверхности.
Вода задрожала.
На мгновение вместо его отражения возникло другое лицо.
Женщина в красном платье.
Она улыбалась ему так, как улыбалась восемьсот лет назад, когда мир ещё не боялся смены времён года, а девятый месяц был частью естественного круговорота.
Бай Чэнь отдернул руку.
Отражение исчезло.
— Я пришёл за тем, что ты мне обещала, — произнёс он в пустоту.
Ветер прошёл по берегу, поднимая сухие листья.
— Ты сказала, что однажды я смогу забыть.
В глубине реки что-то блеснуло золотом.
Бай Чэнь закрыл глаза.
Он помнил слишком многое.
Её смех. Её руки. Тепло её плеча, когда она засыпала рядом с ним под деревом. Её голос, который однажды попросил его не бояться конца.
И последнее мгновение.
Он помнил, как держал её на руках.
Как её дыхание становилось тише.
Как она смотрела на него, уже понимая то, чего он не хотел понимать.
Не удерживай меня.
Тогда он не послушал.
Он не позволил ей уйти.
И мир заплатил за это.
Бай Чэнь открыл глаза.
— Я больше не хочу помнить.
Луна отразилась в реке, и на её поверхности распустился золотой цветок.
Он наклонился, чтобы коснуться его.
Но прежде чем пальцы достигли воды, цветок рассыпался на девять светящихся лепестков.
Один из них исчез на востоке — в направлении столицы.
Бай Чэнь замер.
Впервые за восемьсот лет он почувствовал не печаль и не гнев.
Страх.
Потому что золотой цветок не должен был распускаться.
Не до девятого месяца.
И уж точно не рядом с ней.
Он резко выпрямился и посмотрел в сторону столицы.
— Юй...
Имя сорвалось с его губ прежде, чем он успел остановить себя.
Ветер стих.
Вдалеке, за горами, раздался звук колокола.
Один удар.
Потом второй.
На третьем луна дрогнула, словно кто-то коснулся её изнутри.
Бай Чэнь исчез в порыве холодного воздуха.
А в чайной на улице дождей Юй проснулась от ощущения, что кто-то только что произнёс её имя.
На подоконнике лежал золотой лепесток.

Хотя шкатулка в кладовой оставалась запертой.
И на этот раз, когда Юй прикоснулась к нему, она услышала не женский голос.
Она услышала собственный.
Чэнь, если ты всё ещё любишь меня, пожалуйста, не вспоминай.

Глава третья. Имя, которого она не помнит

Юй проснулась ещё до рассвета.
В чайной было холодно. Угли в печи давно погасли, за ставнями темнела узкая улица, а на подоконнике лежал золотой лепесток.
Она не сразу вспомнила, откуда он взялся.
Сначала ей показалось, что это сон. Просто ещё один странный сон, каких в последние дни стало слишком много. Но стоило Юй сесть на кровати, как в голове прозвучал её собственный голос:
Чэнь, если ты всё ещё любишь меня, пожалуйста, не вспоминай.
Она закрыла лицо ладонями.
— Нет.
Слово прозвучало тихо, но решительно.
Она не могла произнести такое. Не могла назвать незнакомца по имени с подобной нежностью. И уж точно не могла просить его о любви, которой никогда не знала.
Юй встала и подошла к окну.
Лепесток был настоящим. Он лежал на деревянном подоконнике, чуть загнувшись по краям. В утреннем сумраке золото в его прожилках мерцало едва заметным светом.
Она завернула его в ткань, положила в шкатулку и заперла на ключ.
Потом отнесла шкатулку в кладовую, поставила на пол и придавила сверху тяжёлым мешком с сушёными листьями.
— Вот теперь посмотрим, как ты выберешься, — пробормотала она.
Слова прозвучали нелепо.
Юй почти рассмеялась.
Почти.
Когда она подняла голову, в маленьком зеркале у двери отразилось её лицо.
И Юй перестала дышать.
В её чёрных волосах, чуть выше правого виска, серебрилась тонкая прядь.
Она шагнула ближе.
Серебряный цвет не был игрой света. Он начинался у корней, словно кто-то провёл по волосам кистью, смоченной лунным светом. Несколько прядей у виска стали почти белыми.
Юй коснулась их пальцами.
В тот же миг в голове вспыхнуло чужое воспоминание.
Золотое дерево.
Красные листья под ногами.
Мужчина в белом, стоящий у каменных ступеней.
Он смотрел на неё так, будто хотел запомнить каждую черту её лица.
— Ты снова не спала, — говорил он.
Юй — другая Юй, с длинными волосами и красной лентой на запястье — улыбалась ему.
— А ты снова притворяешься, что не заметил.
— Я заметил.
— Тогда почему не остановил меня?
Мужчина опускал взгляд на её руки.
— Потому что ты просила не удерживать тебя.
Воспоминание оборвалось.

Юй отшатнулась от зеркала.

Сердце билось так сильно, что заболели рёбра. Она прижала ладонь к груди и несколько раз глубоко вдохнула.

За окном начинал светлеть восток.

Нужно было открыть чайную. Нужно было приготовить завтрак, разжечь печь, поставить воду. Нужно было делать что-нибудь привычное, пока мир не успел окончательно превратиться в дурной сон.

Она схватила ножницы, нашла в ящике маленькое ручное зеркальце и попыталась срезать серебряную прядь.

Лезвия сомкнулись.

Прядь упала на ладонь.

На мгновение Юй почувствовала облегчение.

Затем волосы на виске снова побелели.

Медленно, от корней к кончикам.

Юй выронила ножницы.

Она не закричала. Не заплакала. Просто стояла посреди комнаты, глядя на собственную ладонь, в которой лежала отрезанная прядь, уже потерявшая серебряный блеск.

Она знала, что должна испугаться.

Но самым страшным было не это.

Самым страшным было то, что, когда она смотрела на серебряные волосы, в груди поднималась тоска по человеку, которого она никогда не встречала.

Будто она опоздала.

Будто он ждал её слишком долго.

К полудню Юй решила, что не станет никому рассказывать о случившемся.

Не потому, что боялась, что её сочтут сумасшедшей. В столице хватало людей, которые верили в духов, проклятия и неудачные знаки. Если бы она заявила, что незнакомец оставил ей золотой лепесток, способный возвращать чужие воспоминания, половина посетителей попросила бы купить его, а другая половина — сжечь.

Нет, дело было в другом.

Юй боялась, что, произнеся всё вслух, сделает происходящее настоящим.

Поэтому она завязала волосы потуже, закрыла серебряную прядь заколкой и спустилась в чайную.

День обещал быть оживлённым.

После прекращения дождя люди словно боялись упустить возможность снова жить обычной жизнью. Торговцы выносили на улицу товары, дети бегали между прилавками, а у лавки лекаря собралась очередь.

Юй приготовила чай для госпожи Ло, подала сладкие лепёшки двум молодым ученикам и выслушала длинный рассказ торговца шёлком о том, как его младший брат едва не утонул в собственном погребе.

Она даже улыбалась.

И всё же время от времени ей казалось, что кто-то стоит за её спиной.

Стоит совсем близко.

Она оборачивалась — и никого не видела.

Однажды, проходя мимо окна, Юй заметила отражение мужчины в белых одеждах. Он сидел за столиком у дальней стены, сложив руки перед собой.

Она резко повернулась.

Столик был пуст.

Чашка на нём стояла нетронутой.

Юй подошла к ней и коснулась края.

Фарфор был ледяным.

— Хозяйка? — позвала госпожа Ло. — Ты в порядке?

Юй убрала руку.

— Конечно.

— Ты уже третий раз за день смотришь на пустое место.

— Проверяю, не пора ли протереть столы.

Госпожа Ло посмотрела на чистую поверхность, потом на Юй.

— Если ты начнёшь протирать их ещё усерднее, дерево скоро станет тоньше бумаги.

Юй улыбнулась.

Старуха не стала задавать новых вопросов, но, уходя, задержала на ней внимательный взгляд.

Когда чайная опустела, Юй достала книгу Лин Мэй.

Запись о человеке с осенними глазами всё ещё находилась на последней странице.

Если придёт человек с осенними глазами, не позволяй ему пить чай из золотого цветка.

Рядом с этой строкой раньше ничего не было.

Теперь, когда Юй поднесла страницу к свету, под выцветшими чернилами проступили новые слова.

Она наклонилась ближе.

И не позволяй ему узнать, что ты вспомнила.

Юй медленно закрыла книгу.

— Кто ты? — спросила она пустую чайную.

Ответа не последовало.

Но за дверью раздались шаги.

Тихие, неторопливые.

Юй подняла голову.

На пороге стоял Бай Чэнь.

Он выглядел иначе.

Вчера его лицо казалось безупречно спокойным. Сегодня в нём появилась усталость — не человеческая, не та, что проходит после долгого сна, а глубокая, словно сама вечность оставила на нём след.

На белом рукаве темнела узкая полоса, похожая на засохшую кровь.

Юй заметила её сразу.

— Вы ранены?

— Нет.

— Тогда что это?

Он посмотрел на рукав, будто только сейчас увидел пятно.

— Ничего, что могло бы тебя заинтересовать.

— Вы пришли в мою чайную и оставили на столе загадочный лепесток, после чего у меня начали сесть волосы. Думаю, я вправе интересоваться всем, что связано с вами.

Бай Чэнь поднял глаза.

— Покажи.

— Что?

— Волосы.

Юй отступила.

— Даже не думайте.

— Юй.

— Я сказала, не думайте!

Её голос прозвучал громче, чем она ожидала. На улице кто-то обернулся на крик, и Юй поспешно прикрыла дверь.

Бай Чэнь не двинулся с места.

— Сколько? — спросил он.

— Сколько чего?

— Воспоминаний.

Юй почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Я ничего не помню.

Он посмотрел на неё так, словно услышал ложь, которую слишком долго ждал.

— Тогда почему ты боишься меня?

— Потому что вы появляетесь из ниоткуда, говорите загадками и ведёте себя так, будто имеете право решать, что мне следует знать.

— Я не хочу, чтобы ты знала.

— Это я уже поняла.

— Нет.

Впервые в его голосе появилась резкость.

Бай Чэнь сделал шаг вперёд, но тут же остановился, словно вспомнил что-то важное.

— Ты не понимаешь, что происходит.

— Так объясните.

Он молчал.

Юй рассмеялась — коротко, без радости.

— Разумеется. Ещё одна тайна. Ещё одно «тебе лучше не знать». Скажите, Бай Чэнь, вы всегда считали молчание лучшим способом защитить человека?

Его лицо изменилось.

Совсем немного.

Но Юй увидела.

Она не знала, почему задала именно этот вопрос. Слова словно сами сорвались с языка, выбранные кем-то другим.

Бай Чэнь отвернулся.

— Я ошибался.

Тишина между ними стала неожиданно тяжёлой.

Юй не ожидала такого ответа.

Она приготовилась к холодной насмешке, к приказу, к тому, что он просто исчезнет. Но он стоял перед ней, опустив голову, и впервые казался не бессмертным духом осени, а человеком, который не знает, как исправить то, что давно разрушил.

— Что со мной происходит? — спросила она тише.

Бай Чэнь посмотрел на серебряную прядь, которую она не успела спрятать.

Его взгляд задержался на ней всего на мгновение.

Этого оказалось достаточно.

Юй увидела, как побледнели его губы.

— Ты вспомнила, — произнёс он.

— Нет.

— Тогда это началось раньше, чем я думал.

— Что началось?

Он подошёл к столу и снял перчатку.

На его ладони был тонкий порез. Кровь, тёмная, почти чёрная, выступала по краю раны, но не капала вниз. Она застыла на коже крошечными каплями, похожими на бусины.

Юй смотрела на его руку.

— Вы говорили, что не ранены.

— Я солгал.

— Зачем?

— Чтобы ты не задавала вопросов.

— Удивительно. Обычно люди лгут, чтобы скрыть что-то постыдное. Вы же, кажется, лжёте исключительно из привычки.

На этот раз в уголке его губ что-то дрогнуло.

Это не было улыбкой.

Но было так близко к ней, что Юй невольно замолчала.

Бай Чэнь заметил её взгляд и снова стал серьёзным.

— Золотой цветок не должен был пробудиться.

— Что это за цветок?

— Он растёт только в девятом месяце.

— Но девятого месяца не существует.

— Теперь не существует.

Юй почувствовала, как холодеют пальцы.

— Что значит «теперь»?

Бай Чэнь закрыл ладонь.

— Восемьсот лет назад времена года не сменялись так, как сейчас. Между концом лета и началом осени существовал короткий месяц, когда граница между прошлым и настоящим становилась тоньше шёлка. Люди могли видеть тех, кого потеряли. Души возвращались к местам, где их помнили. Некоторые воспоминания обретали форму.

Он говорил спокойно, но с каждым словом воздух в чайной становился холоднее.

— В тот месяц расцветал золотой цветок. Его лепестки удерживали воспоминания, которые не желали умирать.

Юй вспомнила сад.

Золотое дерево.

Женщину в красном.

— И что произошло?

Бай Чэнь долго смотрел на неё.

— Я не позволил осени закончиться.

— Вы?

— Я удержал то, что должно было уйти.

— Что именно?

Он не ответил.

Юй сделала шаг к нему.

— Ту женщину?

В его глазах что-то потемнело.

— Не спрашивай об этом.

— Она умерла?

— Да.

Одно короткое слово.

Юй почувствовала, как в груди разливается странная боль.

— И вы пытаетесь вернуть её?

— Нет.

— Тогда почему хотите забыть?

Бай Чэнь резко поднял голову.

— Потому что каждый раз, когда я вспоминаю её, мир становится немного ближе к гибели.

Снаружи ударил колокол.

Юй вздрогнула.

Было только три часа дня, но колокол на храмовой башне прозвучал так, словно наступила глубокая ночь.

Бай Чэнь повернулся к двери.

За окном солнце внезапно потускнело. Тень от карниза вытянулась по улице, хотя облаков на небе не было. На дальнем конце дороги торговец замер с поднятой рукой. Женщина у колодца застыла, не выпуская верёвку. Птицы неподвижно сидели на крышах.

Время остановилось.

На один удар сердца.

Потом мир снова пришёл в движение.

Где-то закричал ребёнок.

Юй схватилась за край стола.

— Что это было?

Бай Чэнь посмотрел на неё.

— Начало.

Он хотел уйти.

Юй поняла это по тому, как изменилось его лицо. Бай Чэнь словно принял решение, которое давно откладывал, и теперь собирался исполнить его, не оглядываясь.

— Я больше не приду, — сказал он.

Юй уставилась на него.

— Что?

— Тебе не следует видеть меня.

— Это вы сейчас серьёзно?

— Да.

— Вы приходите сюда, рассказываете о цветах, времени и конце мира, а потом решаете, что мне лучше вас не видеть?

— Именно.

— Прекрасно.

Юй резко отвернулась, чтобы он не заметил, насколько сильно её задела эти слова.

Она не понимала, почему ей больно.

Этот человек был опасен. Он скрывал правду, вмешивался в её жизнь и, возможно, был причиной происходящего с её памятью. Она должна была испытывать облегчение от того, что он собирается уйти.

Но вместо облегчения внутри неё разрасталась пустота.

Та самая, что оставалась после пробуждения от сна, в котором кто-то держал её за руку.

— Тогда уходите, — сказала она.

Бай Чэнь не двинулся.

— Юй...

— Нет. Вы хотели уйти — уходите. Я не стану вас удерживать.

Он посмотрел на неё.

И в этом взгляде было что-то такое, отчего она на мгновение забыла, как дышать.

— Ты уже говорила мне это однажды, — произнёс он.

Юй повернулась.

— Что?

— Ничего.

— Вы всё время так делаете. Начинаете говорить, а потом замолкаете. Будто боитесь, что я услышу правду.

— Я боюсь, что ты её вспомнишь.

— Почему?

Бай Чэнь подошёл к двери.

— Потому что тогда ты снова умрёшь.

Юй не сразу поняла смысл этих слов.

А когда поняла, он уже вышел.

Она бросилась к двери, распахнула её и выглянула на улицу.

Пусто.

Ни белых одежд, ни серебряной застёжки, ни холодного запаха осенних листьев.

Только солнечный свет и прохожие, которые продолжали заниматься своими делами.

Юй медленно закрыла дверь.

Она не знала, сколько времени простояла так, прислонившись лбом к дереву.

Но когда наконец подняла голову, на полу лежал одинокий серебряный волос.

Она подняла его.

Волос был её.

Только теперь он казался старым — сухим и ломким, словно пролежал здесь несколько десятилетий.

Юй сжала его в кулаке.

— Я не умру, — прошептала она.

Слова прозвучали почти как обещание.

И где-то глубоко внутри, там, куда не добиралась память, кто-то тихо ответил:

Ты уже обещала.

В ту ночь Юй снова увидела золотой сад.

На этот раз она стояла не под деревом, а у каменного моста, переброшенного через узкую реку. Вода текла медленно, отражая свет луны. По берегам росли красные клёны, а под ними лежали золотые листья.

Вдалеке звучала музыка.

Юй посмотрела на свои руки.

На запястье была красная лента.

Она знала, что должна уйти. Что-то внутри предупреждало её: если она перейдёт мост, то уже не сможет вернуться прежней.

Но на другом берегу стоял мужчина.

Бай Чэнь.

Он был одет в тёмно-серое, и его волосы свободно падали на плечи. В руке он держал маленькую чашку.

— Ты опоздала, — сказал он.

Юй хотела ответить, но не смогла.

Её губы не слушались.

Бай Чэнь посмотрел на чашку.

— Я приготовил его сам.

Он поднял глаза.

— Ты говорила, что однажды хочешь попробовать чай, который не сможет забыть даже время.

В его голосе была мягкость, которой Юй никогда не слышала наяву.

Она сделала шаг к мосту.

Мужчина тут же отступил.

— Нет.

Юй остановилась.

— Не подходи.

Она не понимала, почему он просит об этом. Почему смотрит на неё так, словно каждый её шаг причиняет ему боль.

— Чэнь...

Имя вырвалось само.

Бай Чэнь закрыл глаза.

На мгновение его лицо стало совсем молодым. Не бессмертным, не холодным, не отстранённым.

Просто лицом человека, который услышал голос любимой после долгой разлуки.

— Не называй меня так, — прошептал он.

Юй почувствовала, как по щеке скатилась слеза.

— Почему?

— Потому что я не смогу уйти.

Она шагнула на мост.

— Тогда не уходи.

Бай Чэнь посмотрел на неё с такой болью, что ей захотелось броситься к нему, обнять, удержать, сказать, что всё будет хорошо.

Но он уже поставил чашку на камень.

— Ты не понимаешь, — сказал он. — Я слишком долго не отпускал тебя.

— Я здесь.

— Нет.

Он покачал головой.

— Здесь только твоя память.

Ветер поднял листья.

Юй увидела, как на его руке появляется тонкая трещина. Потом вторая. Белая кожа словно превращалась в фарфор, который кто-то пытался разбить изнутри.

— Чэнь!

Она побежала к нему.

Но мост начал исчезать под ногами.

Одна каменная плита за другой растворялась в золотом свете. Река поднималась, затапливая берега. Музыка оборвалась.

Бай Чэнь протянул к ней руку.

Юй потянулась в ответ.

Их пальцы почти соприкоснулись.

— Запомни меня, — прошептал он.

Она схватила его руку.

Мир раскололся.

Юй проснулась от собственного крика.

В комнате было темно. Сердце бешено колотилось, а дыхание срывалось на короткие, болезненные вдохи.

Она схватилась за грудь.

На ладони остался след от чего-то горячего.

Юй зажгла лампу и посмотрела на руку.

На коже проступала тонкая красная линия, точно она сжимала пальцы человека, чья ладонь была покрыта трещинами.

Линия медленно исчезала.

Юй вскочила с кровати и подбежала к зеркалу.

Серебряная прядь стала шире.

Теперь она тянулась от виска к затылку, теряясь в чёрных волосах. Под глазами появились едва заметные тени, а лицо казалось бледнее обычного.

Она коснулась щеки.

Кожа была холодной.

— Нет, — прошептала Юй. — Нет, нет...

На столе лежала книга Лин Мэй.
Она не помнила, чтобы оставляла её открытой.
Юй подошла ближе.
Последняя страница была исписана новыми строками.
Чернила проступали прямо на глазах, словно невидимая рука выводила буквы с другой стороны бумаги.
Воспоминания не возвращаются бесплатно.
Ниже появилась вторая строка.
Каждое воспоминание забирает часть настоящего.
Юй почувствовала, как дрожат колени.
Третья строка возникла медленно, будто тот, кто писал, не хотел произносить её даже на бумаге.
Если ты вспомнишь всё, осень никогда не закончится.
Юй отступила.
Книга захлопнулась сама.
В ту же секунду за окном раздался тихий шелест.
Она повернулась.
На подоконнике сидела маленькая белая птица. Её перья были тонкими, словно вырезанными из бумаги, а глаза светились золотистым светом.
К лапке была привязана узкая полоска шёлка.
Юй осторожно открыла окно.
Птица не улетела.
Она протянула руку, и та позволила снять записку.
На шёлке было всего несколько слов.
Не ищи меня.
Почерк был резким и безупречным.
Юй узнала его.
Бай Чэнь.
Она долго смотрела на записку, пока буквы не расплылись перед глазами.
Потом аккуратно сложила шёлк и положила в книгу.
— Хорошо, — сказала она пустой комнате.
Голос дрожал, но она заставила себя продолжить:
— Я не буду тебя искать.
Белая птица взмахнула крыльями и исчезла в темноте.
Юй закрыла окно.
Она не собиралась искать Бай Чэня.
Не собиралась разгадывать тайны золотого цветка. Не собиралась выяснять, почему её волосы становились серебряными, а сны принадлежали женщине, которой она никогда не была.
Она просто хотела вернуть свою жизнь.
Но когда Юй легла обратно, то обнаружила, что не может уснуть.
Потому что теперь знала: где-то в этом городе был человек, который помнил её.
И он боялся её памяти больше, чем собственного бессмертия.
За пределами столицы, в глубине осеннего леса, Бай Чэнь стоял перед старым каменным алтарём.
В центре алтаря лежал золотой лепесток.
Он был точно таким же, как тот, что Юй нашла на подоконнике.
Бай Чэнь протянул руку, но остановился, не коснувшись его.
— Она начала вспоминать, — произнёс голос из темноты.

Из-за деревьев вышла женщина в тёмно-синем одеянии. Её длинные волосы были украшены серебряными бусинами, а в руке она держала тонкий посох из прозрачного льда.

Сюэ Нин, дух зимы.

Её лицо было спокойным, почти бесстрастным. Но глаза смотрели на Бай Чэня с усталостью человека, который слишком долго наблюдал за одной и той же ошибкой.

— Ты знал, что это случится, — сказала она.

— Я думал, у меня будет больше времени.

— У тебя было восемьсот лет.

— Этого оказалось недостаточно.

Сюэ Нин подошла к алтарю.

— Ты снова пришёл за цветком?

— Я пришёл за последним воспоминанием.

— Оно не принадлежит тебе.

Бай Чэнь сжал пальцы.

— Оно единственное, что у меня осталось.

— Нет. Оно единственное, что ты отказываешься отпустить.

Он резко повернулся к ней.

— Ты обещала, что она не вспомнит.

— Я обещала сохранить её жизнь. Не уничтожить последствия твоих поступков.

— Я не просил её возвращаться.

— Но ты снова позвал её.

Бай Чэнь замолчал.

Сюэ Нин посмотрела на золотой лепесток.

— Она увидела тебя во сне?

Он не ответил.

— Значит, связь уже пробудилась.

— Я могу остановить её.

— Как?

— Уйду туда, где она не сможет меня найти.

Сюэ Нин покачала головой.

— Ты всё ещё думаешь, что дело в расстоянии.

— Тогда скажи, что мне делать.

В её глазах впервые появилось сочувствие.

— Ничего.

Бай Чэнь посмотрел на неё так, словно она произнесла самое жестокое из возможных слов.

— Ты хочешь, чтобы я позволил ей умереть?

— Я хочу, чтобы ты перестал решать за неё.

Ветер прошёл между деревьями.

На ветвях зашевелились листья, и несколько из них упали на землю. Но вместо того чтобы пожелтеть и высохнуть, они рассыпались в золотую пыль.

Сюэ Нин подняла голову.

На востоке, над столицей, небо приобрело странный медный оттенок.

— Девятый месяц пробуждается, — сказала она.

Бай Чэнь смотрел на светлеющий горизонт.

— Нет.

— Ты можешь сколько угодно отрицать это. Но время уже начало вспоминать.

Она повернулась к нему.

— Если Юй вернёт себе все воспоминания, ты должен будешь сделать выбор.

— Я уже сделал его восемьсот лет назад.

— Именно поэтому мы снова стоим здесь.

Сюэ Нин исчезла среди деревьев, оставив после себя тонкий след инея.

Бай Чэнь остался один.

Он смотрел на золотой лепесток, пока тот не начал медленно таять, превращаясь в свет.

В глубине его памяти раздался знакомый голос.

Позволь мне стать кем-то другим.

Бай Чэнь закрыл глаза.

— Я пытаюсь, — прошептал он.

Но лес не ответил.

И где-то в столице женщина с серебряной прядью в волосах впервые за восемьсот лет начала вспоминать своё прошлое.

Не потому, что хотела.

А потому, что кто-то всё ещё любил её настолько сильно, что даже время не сумело заставить его забыть.

Глава четвёртая. Девятый месяц

На четвёртое утро серебряная прядь перестала увеличиваться.

Юй обнаружила это случайно, когда расчёсывала волосы перед зеркалом. Белые пряди по-прежнему выделялись на фоне чёрных, но больше не тянулись к затылку. Лицо тоже выглядело привычно — разве что под глазами остались тени, которые не исчезали даже после долгого сна.

Она провела пальцами по волосам и осторожно выдохнула.

Значит, всё ещё могло остановиться.

Эта мысль принесла облегчение, но ненадолго. На столе лежала записка Бай Чэня, а рядом — книга Лин Мэй, раскрытая на странице с предупреждением о золотом цветке.

Юй перечитала строки.

Воспоминания не возвращаются бесплатно.

Каждое воспоминание забирает часть настоящего.

Если ты вспомнишь всё, осень никогда не закончится.

Она уже знала, что не сможет просто выбросить книгу и жить дальше.

Вчера она пыталась.

Она открыла чайную, обслуживала посетителей, спорила с торговцем рисом из-за цены и даже помогла мальчику, который уронил корзину с яблоками. Она улыбалась, когда от неё ждали улыбки, и отвечала на вопросы, когда к ней обращались.

Но всё это время в голове звучал голос Бай Чэня.

Тогда ты снова умрёшь.

Юй не собиралась умирать из-за воспоминаний, которые ей даже не принадлежали.

Если кто-то знал, что с ней происходит, она найдёт этого человека.

А если никто не знал — значит, она начнёт с того, что было известно.

С девятого месяца.

Старый храм находился в северной части столицы, за рынком лекарственных трав и улицей, где торговали бумагой для погребальных обрядов.

Юй бывала там всего дважды.

В детстве Лин Мэй приводила её на весенний праздник, когда люди приносили к алтарю цветы и просили благословения у Лянь Хуа — духа весны. Тогда храм казался Юй огромным: высокие красные колонны, каменные львы у лестницы, длинные коридоры с изображениями драконов и птиц.

Теперь он выглядел заброшенным.

Красная краска облупилась на дверях. На ступенях скопились сухие листья. В углах двора проросла трава, а над главным входом покосилась табличка с выцветшими иероглифами.

Однако храм не был пуст.

У бокового павильона старый служитель подметал каменный пол короткой бамбуковой метлой. Его седые волосы были собраны в узел, а на плечах лежала тёмно-коричневая накидка.

Юй остановилась перед ним.

— Простите. Я хотела бы посмотреть старые храмовые записи.

Служитель продолжил подметать.

— Какие именно?

— Летописи. Предания о духах времён года.

Метла замерла.

Старик медленно поднял голову.

— Зачем они тебе?

Юй приготовилась ответить, но поняла, что не придумала ничего убедительного.

Сказать правду?

Что мужчина с осенними глазами появился в её чайной, что золотые цветы пробуждают в ней чужие воспоминания, а волосы седеют каждый раз, когда она видит прошлое?

Служитель посмотрел на неё внимательнее.

— Ты из чайной на улице дождей?

Юй удивилась.

— Откуда вы знаете?

— Я пил там чай много лет назад.

Он прислонил метлу к стене.

— Лин Мэй готовила его лучше всех в столице.

При имени приёмной матери Юй почувствовала осторожную надежду.

— Вы знали её?

— Немного.

— Тогда, может быть, вы знаете, почему она хранила записи о девятом месяце?

На лице старика не отразилось удивления.

Только усталость.

— Значит, он уже пришёл.

Юй похолодела.

— Бай Чэнь?

Старик закрыл глаза.

— Я надеялся, что до этого не дойдёт.

— Вы знаете его?

— В этом храме его имя не произносили вслух почти восемьсот лет.

Юй почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— Почему?

Служитель посмотрел на неё долгим взглядом, словно решал, сколько правды она сможет вынести.

— Потому что здесь слишком хорошо помнят, что произошло, когда дух осени отказался отпустить прошлое.

Он взял метлу и направился к боковой двери.

— Иди за мной.

Архив располагался под восточным павильоном.

К нему вела узкая лестница, высеченная прямо в камне. Воздух внизу был прохладным и сухим, пах старой бумагой, древесной пылью и благовониями. Вдоль стен тянулись полки, на которых стояли десятки свитков, перевязанных выцветшими лентами.

Служитель зажёл две лампы.

— Меня зовут Шэнь Жу, — сказал он. — Я хранитель этого храма.

— Юй.

— Я знаю.

Она нахмурилась.

— Кажется, вы слишком многое знаете о людях, которых никогда не встречали.

— А ты слишком многого не помнишь о себе.

Юй замолчала.

Шэнь Жу подошёл к дальнему стеллажу и достал тонкий свиток, обёрнутый тёмно-синей тканью. На ткани был вышит круг, разделённый на четыре части.

В каждой части находился свой знак: цветущая ветвь, пылающее солнце, красный клён и снежинка.

— Мир не всегда жил по тем правилам, которые ты знаешь, — начал он. — Прежде чем времена года стали сменять друг друга, их границы были мягче. Весна могла задерживаться на несколько лишних дней. Лето порой не спешило уступать место осени. Зима приходила не по календарю, а тогда, когда мир был готов к покою.

Он развернул свиток.

На старой бумаге были изображены четыре фигуры.

Первая стояла среди цветущих персиковых деревьев. Её длинные рукава напоминали лепестки, а волосы были украшены живыми цветами.

Вторая держала в руке золотое копьё. За её спиной сияло солнце.

Третья была одета в красное и чёрное. В одной руке она держала кленовую ветвь, в другой — маленькую чашку.

Четвёртая стояла среди ледяных гор, скрытая длинной белой вуалью.

— Лянь Хуа, дух весны, — сказал Шэнь Жу, указывая на первую фигуру. — Цзинь Яо, дух лета. Бай Чэнь, дух осени. И Сюэ Нин, дух зимы.

Юй смотрела на третью фигуру.

Лицо было слишком схематичным, чтобы различить черты, но в положении головы, в линии плеч, в том, как рука держала чашку, было что-то знакомое.

— Они бессмертны? — спросила она.

— Пока мир нуждается в них.

— А когда перестаёт?

— Тогда дух должен уступить место тому, кто придёт после него.

Юй вспомнила слова Бай Чэня.

Я не позволил осени закончиться.

— Как часто это происходит?

— В обычное время — раз в тысячу лет. Дух передаёт свою силу преемнику, а сам исчезает из мира или становится его частью. Но передача не всегда проходит спокойно.

Шэнь Жу провёл пальцем по краю свитка.

— Иногда дух слишком сильно привязывается к миру людей. К месту. К человеку. Тогда он начинает сопротивляться собственной природе.

— И что происходит?

— Время теряет равновесие.

Юй посмотрела на изображение Бай Чэня.

— Он отказался уступить место следующему духу?

— Не совсем.

Старик перевернул свиток.

На обороте была изображена луна, окружённая девятью золотыми лепестками.

— В древних летописях говорится, что между концом лета и началом осени существовал девятый месяц. Он не принадлежал ни одному из четырёх времён года. Его называли месяцем возвращения, потому что в эти дни прошлое могло на короткое время прикоснуться к настоящему.

— Люди могли увидеть умерших?

— Иногда. Но дело было не только в мёртвых. Девятый месяц позволял воспоминаниям становиться частью мира. Утраченные лица возвращались во снах. Забытая музыка звучала в пустых домах. Люди находили письма, которые никогда не писали, и узнавали голоса тех, кого не помнили.

Юй почувствовала холод в кончиках пальцев.

— А золотые цветы?

— Они росли у Древа Возвращения. Их лепестки удерживали воспоминания, которые человек не мог отпустить. Если заварить такой цветок особым способом, можно было увидеть то, что было скрыто от памяти.

— Или забыть?

Шэнь Жу посмотрел на неё.

— Да. Но за это всегда приходилось платить.

Юй вспомнила серебряные волосы.

— Чем?

— Тем, что связывает воспоминание с настоящим. Иногда это был сон. Иногда — голос.

А иногда...

Он не закончил.

Юй сжала руки.

— Иногда что?

— Годы жизни.

В подземелье стало очень тихо.

Она знала ответ ещё до того, как спросила.

— Значит, я старею из-за того, что вспоминаю?

Шэнь Жу не стал лгать.

— Вероятно.

Юй опустила взгляд на свои руки. Они выглядели как обычно: тонкие пальцы, несколько мелких ожогов от чайника, след от пореза на большом пальце.

Обычные руки.

Её собственные.

И всё же где-то внутри неё пряталась чужая жизнь, которая медленно отнимала у неё настоящую.

— Как это остановить?

— Не знаю.

— Вы хранитель храма.

— Я храню то, что осталось от правды. Это не значит, что я способен изменить её.

Юй отвернулась.

Ей хотелось разозлиться на него за беспомощность, на Бай Чэня — за молчание, на саму себя — за то, что не могла перестать видеть то, чего не понимала.

Но гнев ничего не объяснял.

— Что случилось восемьсот лет назад? — спросила она.

Шэнь Жу долго молчал.

Затем достал другой свиток.

Этот был старше. Бумага пожелтела, края почернели, а часть текста исчезла, словно кто-то намеренно стёр его влажной тканью.

— В летописи сказано, что в последний девятый месяц дух осени нарушил древний порядок. Он удержал душу умершей, не позволив ей уйти. Из-за этого граница между прошлым и настоящим стала разрушаться.

— Он пытался вернуть любимую?

— Так говорят предания.

Юй вспомнила мужчину в белом, стоявшего под золотым деревом.

Я больше не могу.

Она не знала, почему эти слова казались ей знакомыми.

— А что стало с женщиной?

— Летопись обрывается.

— Почему?

Шэнь Жу посмотрел на неё.

— Потому что после той ночи девятый месяц исчез. Дерево Возвращения перестало цвести. Многие записи были уничтожены, а имена тех, кто участвовал в ритуале, вычеркнули из храмовых книг.

— Кто вычеркнул?

— Те, кто решил, что правда опаснее забвения.

Юй медленно подняла голову.

— И вы считаете, что я имею к этому отношение?

Служитель не ответил.

Этого оказалось достаточно.

В глубине архива стоял маленький деревянный шкаф, запертый на медный замок.

Шэнь Жу долго искал ключ, затем открыл дверцу и вынул оттуда тонкую дощечку, обернутую в шёлк.

— Я не должен показывать тебе это, — сказал он.

— Но покажете?

— Я стар. И слишком долго делал вид, что молчание может исправить прошлое.

Он развернул шёлк.

На дощечке был вырезан знак девяти лепестков. Под ним располагалась короткая надпись.

Шэнь Жу прочёл её вслух:

— «Когда девятый месяц пробудится вновь, дух осени должен выбрать: удержать любовь или позволить ей жить».

Юй не сразу поняла смысл.

— Позволить ей жить?

— Некоторые древние обеты связывают души сильнее, чем сама смерть. Если одна из душ пытается уйти, другая может удержать её. Но удержанная душа уже не принадлежит ни прошлому, ни настоящему.

Он провёл пальцем по вырезанным знакам.

— Она становится частью воспоминания. И чем сильнее тот, кто удерживает её, тем труднее ей вернуться к жизни.

Юй ощутила, как поднимается тревога.

— Вы говорите так, будто это уже случилось.

— Случалось.

— С Бай Чэнем?

Шэнь Жу опустил взгляд.

— Да.

— А женщина...

Она не смогла закончить.

Служитель посмотрел на неё с неожиданной мягкостью.

— Я не знаю, кем ты была восемьсот лет назад, Юй. И не стану утверждать, что ты та самая женщина. Память умеет обманывать. Особенно когда кто-то очень хочет увидеть в другом человеке того, кого потерял.

Эти слова почему-то задели её сильнее, чем всё услышанное прежде.

Потому что именно этого она боялась.

Что Бай Чэнь смотрит на неё и видит не Юй.

Что за каждым его взглядом скрывается другое лицо, за каждым словом — другая жизнь, а сама она лишь случайная оболочка для памяти, которую он не смог похоронить.

— Он назвал меня так, будто знал меня, — тихо сказала она.

— Возможно, знал.

— Но я его не помню.

— Это не одно и то же.

Юй подняла глаза.

Шэнь Жу вернул дощечку в шёлк.

— Запомни, дитя. Человек может любить образ, который сохранил в сердце, и не замечать того, кто стоит перед ним. Даже если эти двое похожи до последней черты.

Юй почувствовала, как в груди стало тесно.

Она не хотела быть чьим-то прошлым.

Не хотела, чтобы её называли чужим именем, ждали от неё чужих обещаний или просили вернуть любовь, о которой она ничего не знала.

Если Бай Чэнь действительно любил женщину, умершую восемьсот лет назад, то почему его взгляд причинял боль именно ей?

Почему она видела его сны?

Почему её сердце сжималось каждый раз, когда он уходил?

Юй отвернулась к свитку.

— Как найти Древо Возвращения?

Шэнь Жу резко поднял голову.

— Зачем?

— Если оно существует, там должны быть ответы.

— Древо давно погибло.

— Тогда почему золотой цветок появился снова?

Старик замолчал.

Юй впервые заметила, что он боится.

Не её вопросов.

Ответов, которые могут за ними последовать.

— Оно находится за северными горами, — наконец сказал он. — В лесу, куда не ходят даже охотники. Но тебе не следует туда отправляться.

— Потому что я могу умереть?

— Потому что там ты можешь вспомнить то, что сама когда-то решила забыть.

Юй подумала о серебряной пряди.

О женщине в красном.

О мужчине, который просил её не приближаться, хотя сам не мог перестать искать её.

— Может быть, — сказала она, — я устала жить чужой тайной.

Шэнь Жу не стал её останавливать.

Когда Юй уже поднималась по лестнице, он окликнул её:

— Есть ещё одна вещь.

Она обернулась.

Старик стоял у стола, держа в руках старую бумажную закладку.

— Последняя запись о девятом месяце не была уничтожена. Её спрятали в другом месте.

— Где?

— В храме зимы.

Юй вспомнила женщину с ледяным посохом, которую видела в своём сне лишь на мгновение, и лицо Бай Чэня, когда он говорил о ней.

— У Сюэ Нин?

— Да. Если кто-то и знает правду о той ночи, так это дух зимы.

— Почему вы не сказали об этом сразу?

Шэнь Жу посмотрел на неё.

— Потому что Сюэ Нин не станет рассказывать тебе правду только потому, что ты её попросишь.

— А почему она расскажет?

— Возможно, потому что однажды уже обещала тебе, что ты сможешь начать всё сначала.

Юй застыла.

Старик отвёл взгляд, словно пожалел о сказанном.

— Иди домой, Юй. Пока ещё можешь.

Но теперь она знала, что домой вернётся не прежней.

Когда Юй вышла из храма, солнце уже клонилось к закату.

Небо над столицей было необычно ясным. Ветер гнал по улице сухие листья, хотя деревья ещё не успели полностью пожелтеть. На крышах сидели птицы, и каждая смотрела в одну сторону — на север.

Юй тоже посмотрела туда.

За дальними горами медленно поднималась тонкая золотая полоска света.

Она не походила на закат.

Скорее на рассвет, который по ошибке наступил на другой стороне мира.

Юй почувствовала, как в голове возникло новое воспоминание.

Она стояла у огромного дерева. Его ствол был настолько широким, что несколько человек не смогли бы обхватить его руками. Ветви тянулись к небу, а золотые листья мерцали на фоне тёмной луны.

Рядом стояла женщина в белом.

Юй не видела её лица, но знала, что та плачет.

— Ты уверена? — спросила женщина.

Юй посмотрела на собственные руки.

На запястье была красная лента.

— Если я останусь, он никогда не отпустит меня.

— А если уйдёшь?

— Тогда, возможно, он наконец научится жить.

Женщина в белом закрыла глаза.

— Ты всё ещё любишь его.

Юй улыбнулась сквозь слёзы.

— Именно поэтому я должна уйти.

Воспоминание исчезло.

Юй остановилась посреди улицы.

На этот раз она не упала и не потеряла сознание. Только прижала ладонь к груди и попыталась успокоить дыхание.

Она помнила голос женщины.

И помнила собственный ответ.

Но не помнила, кому принадлежали эти слова.

Или почему они казались ей правдой.

Ветер поднял сухие листья и понёс их вдоль улицы. Один лист коснулся её плеча, задержался на мгновение и рассыпался золотой пылью.

Люди проходили мимо, не замечая ничего необычного.

Юй подняла голову.

На небе проступила девятая звезда.

Она не должна была быть видна в это время года.

Но свет её становился всё ярче.

На севере, среди гор, стоял дворец, которого не было ни на одной карте.

Его стены были сложены из голубоватого льда. Над башнями не кружили птицы, а ступени никогда не покрывались снегом — потому что сам снег начинался только за воротами.

Сюэ Нин стояла у открытого окна.

Перед ней на низком столике лежала старая дощечка с девятью вырезанными лепестками.

Она знала, что Юй была в храме.

Знала, какие записи та читала и какие вопросы задавала.

Всё это время Сюэ Нин не вмешивалась.

Не потому, что не могла.

Потому что однажды уже вмешалась слишком сильно.

— Ты ведь обещала, что она больше не будет страдать, — произнёс голос за её спиной.

Сюэ Нин не обернулась.

— Я обещала, что она получит возможность жить.

— А теперь?

— Теперь ей придётся решить самой.

В дверях стоял Бай Чэнь.

На этот раз его одежда была испачкана землёй, а на рукаве всё ещё темнела полоса крови. Он выглядел так, словно прошёл через весь лес, не замечая ни ветвей, ни камней.

— Ты знала, что она начнёт вспоминать, — сказал он.

— Да.

— И ничего не сделала.

— Я уже пыталась остановить её память однажды.

Он сжал челюсть.

— Тогда останови её снова.

Сюэ Нин повернулась к нему.

— Ты действительно хочешь этого?

— Да.

— Даже если она никогда не узнает, почему ты пришёл к ней?

— Да.

— Даже если она проживёт всю жизнь, считая тебя незнакомцем?

Бай Чэнь не ответил.

Сюэ Нин поднялась.

— Ты говоришь, что хочешь защитить её. Но на самом деле ты хочешь, чтобы она осталась такой, какой ты её помнишь: той, которая любила тебя, той, которая обещала вернуться, той, чью смерть ты так и не смог принять.

— Замолчи.

— Ты не можешь вернуть её прошлое, Бай Чэнь. Но можешь разрушить её настоящее, если снова попытаешься заставить её жить ради твоей памяти.

Он отвернулся.

Сюэ Нин подошла к столу и коснулась дощечки.

— Девятый месяц не пробуждался восемьсот лет. Но теперь Древо Возвращения оживает. И если оно расцветёт полностью, мир начнёт возвращать всё, что было утрачено.

— В том числе мёртвых?

— Возможно.

Бай Чэнь медленно поднял голову.

Сюэ Нин внимательно посмотрела на него.

— Вот почему ты пришёл за чаем, не так ли? Ты хотел забыть последнее воспоминание, пока оно ещё принадлежит тебе. Ты надеялся, что если забудешь её смерть, то перестанешь удерживать её душу.

Он молчал.

— Но ты ошибся, — продолжила Сюэ Нин. — Последнее воспоминание не удерживает её. Оно удерживает тебя.

Бай Чэнь посмотрел на дощечку.

— Тогда что мне делать?

Впервые за много столетий в его голосе прозвучала настоящая просьба.

Сюэ Нин не ответила сразу.

За окном начал падать снег. Белые хлопья кружились над золотым светом, поднимавшимся из-за гор.

— Когда она придёт к тебе, — сказала наконец Сюэ Нин, — не проси её вспомнить.

— А если она сама захочет?

— Тогда не мешай ей.

Он закрыл глаза.

— А если это её убьёт?

Сюэ Нин посмотрела на него с бесконечной печалью.

— Тогда впервые в жизни позволь ей самой решить, чего она хочет.

Бай Чэнь стоял неподвижно.

Снаружи прозвучал колокол.

Один удар.

Второй.

Третий.

С каждым ударом лёд на стенах дворца покрывался тонкими золотыми прожилками.

Сюэ Нин резко повернулась к окну.

Над далёкими горами расцвело золотое сияние.

Древо Возвращения пробудилось.

И вместе с ним пробудилось то, что восемьсот лет назад они все поклялись забыть.

В чайной на улице дождей Юй долго не могла заснуть.

Она сидела у окна, держа в руках чашку давно остывшего чая, и смотрела на девятую звезду.

Теперь она знала имена четырёх духов.

Знала, что девятый месяц когда-то существовал.

Знала, что Бай Чэнь удержал то, что должно было уйти.

Но самого главного она по-прежнему не знала.

Кем была та женщина?

И почему, когда она закрывала глаза, ей казалось, что женщина в красном платье — это она сама?

Юй осторожно провела пальцами по серебряной пряди.

— Если ты действительно знал меня, — прошептала она, обращаясь к ночи, — почему не сказал правду?

Ответа не было.

Только ветер коснулся ставен, и на стол упал маленький золотой лист.

Юй не стала к нему прикасаться.

Она просто смотрела, как он лежит на деревянной поверхности, сияя в свете лампы.
А потом услышала голос.

Тихий, знакомый, полный такой усталости, что у неё защемило сердце.

— Я сказал тебе правду, Юй.

Она резко обернулась.

У двери никого не было.

Но голос продолжил:

— Я действительно пришёл сюда, чтобы забыть.

Юй поднялась.

— Бай Чэнь?

Тишина.

И только когда она снова посмотрела на стол, золотой лист начал медленно сворачиваться, превращаясь в тонкий бутон.

На его поверхности проступили девять лепестков.

Юй поняла: он не ушёл.

Не совсем.

И теперь, как бы сильно она ни пыталась сохранить свою прежнюю жизнь, прошлое уже нашло дорогу к её двери.

А где-то за северными горами Древо Возвращения впервые за восемьсот лет распускало золотые цветы.

До девятого месяца оставалось совсем немного времени.

Глава пятая. Сделка с духом осени

Юй никогда не любила прощаться.

В детстве она думала, что это потому, что прощания всегда сопровождалось слезами. Лин Мэй уходила на рынок — Юй цеплялась за её рукав. Соседские дети возвращались домой — Юй просила их остаться ещё немного. Даже когда старый кот, проживший у чайной несколько лет, однажды исчез и больше не вернулся, она целую неделю оставляла у двери миску с молоком.

Потом она выросла и поняла, что дело было не в слезах.

Ей просто не нравилось, когда что-то уходило, не объяснив почему.

Поэтому утром, когда Юй заперла дверь чайной и оставила ключ госпоже Ло, она не стала оглядываться.

Если бы оглянулась, то, вероятно, передумала бы.

А передумывать было нельзя.

В небольшой дорожной сумке лежали две смены одежды, кошелек с медными монетами, нож для чая, фляга с водой и книга Лин Мэй. Последнюю Юй собиралась оставить дома, но перед выходом обнаружила, что не может выпустить её из рук.

На первой странице, рядом с именем приёмной матери, она написала собственное.

Юй.

Просто чтобы убедиться, что хотя бы это имя принадлежит ей.

Волосы она собрала в высокий узел и прикрыла серебряную прядь тёмной лентой. На прощание госпожа Ло долго смотрела на неё, стоя на пороге чайной.

— Ты ведь не собираешься искать неприятности?

— Конечно нет.

— Тогда почему берёшь дорожный нож?

— Для фруктов.

— А почему у тебя с собой три мешочка соли?

Юй помедлила.

— Для фруктов, которые могут напасть на меня в дороге.

Госпожа Ло тяжело вздохнула.

— Твоя мать тоже так шутила, когда боялась.

Юй подняла голову.

— Лин Мэй?

— Разумеется, Лин Мэй. А кого ещё ты знаешь, кто мог бы спорить с целым рынком из-за цены на груши, а потом отдавать их бесплатно голодным детям?

Госпожа Ло поправила воротник её дорожной одежды.

— Она всегда говорила, что у тебя слишком доброе сердце для человека, который так старательно притворяется упрямым.

Юй улыбнулась.

— Возможно, она ошибалась.

— Возможно. Но я бы не стала на это рассчитывать.

Старуха отступила и посмотрела на дорогу.

— Куда ты идёшь?

Юй могла бы соврать. Сказать, что отправляется навестить дальних родственников, купить редкие травы или проверить поставщика чая.

Но почему-то не захотела.

— На север. Мне нужно кое-что найти.

— Опасное?

— Наверное.

— Тогда хотя бы вернись живой.

Юй почувствовала, как в груди становится тепло.

Она обняла госпожу Ло, прежде чем та успела возразить, и быстро пошла прочь.

За спиной раздался недовольный голос:

— И не вздумай возвращаться с каким-нибудь красивым бедняком! У нас и без того достаточно ртов, которые нужно кормить!

Юй рассмеялась.

Она не знала, что в этот момент над крышами столицы пролетел золотой лист, а в глубине северного леса кто-то открыл глаза.

До северных ворот столицы она добралась к полудню.

Дальше дорога поднималась между невысокими холмами, заросшими кустарником. Здесь уже не было шумных торговых улиц и тесных домов. Только редкие деревни, поля после уборки урожая и длинные ряды деревьев, чьи листья постепенно становились красными.

Юй шла быстро.

Она не знала, сколько времени займёт дорога до северных гор. Шэнь Жу не дал ей точной карты, а старые записи говорили о лесной тропе, которой не было ни на одном современном путеводителе.

Но она помнила направление.

И ещё помнила слова хранителя.

Там ты можешь вспомнить то, что сама когда-то решила забыть.

Эта фраза не выходила у неё из головы.

Что, если он прав?

Что, если женщина в красном платье действительно была ею?

Что, если Бай Чэнь знал её восемьсот лет назад и всё это время пытался вернуть не саму Юй, а ту, прежнюю?

Она остановилась у дорожного камня и посмотрела на свои руки.

Ничего особенного. Несколько тонких царапин, следы от работы с чайными листьями, маленький ожог на большом пальце.

Её руки.

Её жизнь.

Юй не хотела отдавать их чужому прошлому.

Но если воспоминания продолжат возвращаться, разве у неё останется выбор?

Она достала из сумки книгу Лин Мэй и раскрыла на странице с девятью лепестками. Под старым рисунком теперь проступила новая строка, которой раньше не было.

Путь к Древу Возвращения открывается тому, кто готов отпустить.

Юй нахмурилась.

— Это начинает раздражать.

— Что именно?

Она так резко обернулась, что чуть не уронила книгу.

Бай Чэнь стоял у дорожного камня, опираясь плечом о ствол дерева.

На нём снова были белые одежды. Длинные чёрные волосы свободно лежали на спине, а серебряная застёжка на виске поблёскивала в солнечном свете.

Он выглядел так, будто ждал её уже несколько часов.

Юй медленно закрыла книгу.

— Вы.

— Я?

— Вы и ваша привычка появляться в тот момент, когда человек начинает думать, что может провести хотя бы один день без вас.

— Ты идёшь не туда.

Она оглядела дорогу.

— Это север.

— Да.

— Горы находятся на севере.

— Да.

— Тогда, возможно, я всё-таки иду туда.

Бай Чэнь посмотрел на её сумку.

— Ты собираешься добраться до Древа Возвращения пешком?

— У меня нет лошади.

— Могла бы нанять.

— У меня нет денег на лошадь, которая согласилась бы нести меня в лес, где время разваливается на части.

Он чуть приподнял бровь.

— Ты удивительно много знаешь о том, чего не понимаешь.

— А вы удивительно мало объясняете человеку, которого пытаетесь остановить.

Юй поправила ремень сумки и пошла дальше.

Бай Чэнь не двинулся.

Она прошла несколько шагов, прежде чем услышала его голос:

— Если ты продолжишь идти, то до наступления темноты окажешься в месте, где не сможешь отличить дорогу от собственного воспоминания.

Юй остановилась.

— Тогда пойдёте со мной.

Он посмотрел на неё.

— Что?

— Вы знаете дорогу. Вы знаете, что меня ждёт. И, судя по тому, как настойчиво пытаетесь меня остановить, у вас есть причины не желать, чтобы я добралась туда одна.

— Я не собираюсь сопровождать тебя.

— Прекрасно. Тогда не мешайте.

Она снова пошла вперёд.

На этот раз Бай Чэнь догнал её через несколько мгновений.

— Ты невозможна.

— Мне часто говорят.

— Ты не понимаешь опасности.

— А вы не понимаете, что приказы действуют только на тех, кто согласен их выполнять.

Он ничего не ответил.

Юй украдкой посмотрела на него.

— Значит, мы договорились?

— Нет.

— Но вы идёте рядом.

— Чтобы не позволить тебе совершить глупость.

— Разумеется.

— И не думай, что я стану отвечать на все твои вопросы.

— Тогда я буду задавать только самые важные.

— Юй.

— Бай Чэнь.

Он посмотрел на неё с выражением человека, который впервые в жизни пожалел, что не может превратиться в осенний ветер и улететь куда-нибудь подальше.

Юй улыбнулась.

И впервые за последние несколько дней почувствовала себя почти обычной.

К вечеру они добрались до старого каменного моста.

Он соединял два склона над узким ущельем, на дне которого текла мутная река. Вода шумела между камнями, поднимая холодные брызги. На другой стороне начинался лес — густой, тёмный, с деревьями, чьи стволы изгибались так, словно росли не вверх, а в сторону.

Юй остановилась перед мостом.

— Это он?

— Нет.

Она посмотрела на Бай Чэня.

— Тогда зачем мы здесь?

— Потому что дальше ты должна решить, действительно ли хочешь идти со мной.

— Я уже решила.

— Ты ещё ничего не видела.

— А вы ещё ничего мне не объяснили.

Бай Чэнь подошёл к краю моста.

— Этот лес не любит чужаков. Он показывает каждому то, что тот хочет увидеть больше всего. Одни находят в нём потерянных родственников. Другие — любимых. Третьи видят собственную жизнь, которая могла бы сложиться иначе.

— И что происходит с теми, кто идёт за видением?

— Они забывают, что это видение.

Юй посмотрела на тёмные деревья.

Между стволами действительно мерцал какой-то свет. Не яркий, не похожий на огонь, а мягкий и золотистый, словно солнечные лучи застряли в глубине леса.

Она услышала тихий смех.

Женский.

Сердце болезненно сжалось.

Юй сделала шаг к мосту.

Бай Чэнь схватил её за запястье.

— Не слушай.

Его пальцы были холодными.

Слишком холодными.

Юй посмотрела на его руку, потом на лицо.

— Вы слышите его тоже?

— Да.

— Что это?

— То, что ты потеряла.

Он отпустил её.

— Если ты пойдёшь туда ради ответа, лес покажет тебе тот, который ты хочешь получить.

Не обязательно правду.

Юй снова услышала смех.

На этот раз вместе с ним пришёл запах цветов — сладкий, едва уловимый. Она не знала названия этих цветов, но в груди внезапно возникло чувство, похожее на счастье.

Такое сильное, что ей захотелось заплакать.

— Я должна знать, — прошептала она.

— Нет.

— Вы не можете решать за меня.

— Я не решаю.

Он посмотрел на её запястье.

Там, где он держал её, кожа покраснела.

Бай Чэнь отступил.

— Я предупреждаю.

Юй некоторое время молчала.

Затем сняла с запястья тонкую красную нить, которую носила с детства. Лин Мэй говорила, что она приносит удачу, но никогда не объясняла, откуда взялась.

Юй обвязала нить вокруг ручки своей дорожной сумки.

— Тогда я пойду, зная, что вы меня предупредили.

Бай Чэнь посмотрел на неё так, словно она только что повторила слова, услышанные им много столетий назад.

— Ты всегда была такой.

Юй замерла.

— Какой?

Он отвёл взгляд.

— Неважно.

Она медленно вдохнула.

— Если вы ещё раз скажете, что я всегда была какой-то, но не объясните, что это значит, я начну брать с вас плату за каждую загадку.

— Сколько?

— Зависит от сложности.

— А если я не заплачу?

— Тогда я перестану подавать вам чай.

Бай Чэнь посмотрел на неё.

На этот раз он действительно улыбнулся.

Едва заметно. Так быстро, что Юй могла бы принять это за движение теней.

Но улыбка была настоящей.

И почему-то от неё у Юй заболело сердце.

За мостом лес оказался тише, чем она ожидала.

Не было ни пения птиц, ни шороха насекомых. Только их шаги звучали на мягкой земле, а между деревьями медленно кружились золотистые листья.

Юй держалась рядом с Бай Чэнем.

Она не собиралась признаваться, что без него чувствовала бы себя куда менее уверенно.

— Скажите, — начала она, когда тишина стала невыносимой, — вы действительно дух осени?

— Да.

— И управляете всем, что связано с этим временем года?

— Не всем.

— Чем именно?

— Увяданием. Урожаем. Последним теплом перед холодами. Временем, когда живое учится отпускать.

Юй задумалась.

— Звучит печально.

— Осень не печальна.

— Разве?

— Она просто не обещает, что всё останется прежним.

Юй посмотрела на него.

В этих словах было что-то неожиданно нежное.

— А вы сами умеете отпускать?

Бай Чэнь продолжал смотреть вперёд.

— Нет.

Ответ прозвучал так просто, что Юй не нашлась, что сказать.

Они прошли ещё несколько шагов.

— Тогда почему вы стали духом осени?

— Я не выбирал.

— Значит, вас назначили?

— Сила не спрашивает, чего ты хочешь.

Юй фыркнула.

— Удобно.

Он повернулся к ней.

— Что?

— Ничего. Просто вы говорите о себе так, будто никогда не совершали ошибок. Будто всё, что с вами происходило, было неизбежно.

— Ты считаешь, я ошибался?

Юй остановилась.

— Я считаю, что любой, кто прожил достаточно долго, успел сделать что-то, о чём жалеет.

— Даже ты?

— Особенно я.

Она вспомнила, как однажды в детстве разбила любимую чашку Лин Мэй и соврала, что её уронил кот. Как много лет не рассказывала госпоже Ло, что её сын тайком продавал семейные вещи, потому что боялась разрушить их отношения. Как иногда позволяла людям уходить из чайной, не спрашивая, почему они плачут.

Маленькие ошибки.

Обычные человеческие ошибки.

Но именно они делали её жизнь её собственной.

— А вы? — спросила она.

Бай Чэнь посмотрел на дорогу.

— Я совершил одну ошибку.

— Всего одну?

— Одну, которую не смог исправить.

Юй хотела спросить, что именно произошло восемьсот лет назад, но передумала.

Впервые она поняла: иногда молчание означает не желание скрыть правду, а неспособность произнести её.

Это не оправдывало Бай Чэня.

Но, возможно, объясняло, почему он выглядел так, будто каждое воспоминание причиняло ему физическую боль.

Они шли дальше.

И Юй впервые не стала задавать следующий вопрос.

К ночи они вышли на небольшую поляну.

Посреди неё стояла полуразрушенная беседка. Крыша просела, деревянные колонны покрылись мхом, а на каменном полу лежали сухие листья. Рядом росло дерево с необычно гладким стволом. На его ветвях не было ни одного листа.

— Здесь остановимся, — сказал Бай Чэнь.

Юй опустила сумку.

— Вы умеете разбивать лагерь?

— Мне не нужно спать.

— Я спросила не об этом.

Он посмотрел на неё.

— Нет.

— Конечно.

Юй достала небольшой котелок, сухие ветки и мешочек с рисом. Разожгла огонь, поставила воду и принялась готовить простую кашу.

Бай Чэнь наблюдал за ней с таким вниманием, словно она совершала древний ритуал.

— Что? — спросила Юй.

— Ничего.

— Вы смотрите на меня уже пять минут.

— Ты готовишь.

— Обычно люди так и делают, когда голодны.

— Ты голодна?

Юй подняла голову.

— А вы нет?

— Нет.

— Никогда?

— Мне не нужна еда.

Она помолчала, потом указала ложкой на камень рядом с собой.

— Тогда сядьте.

Бай Чэнь не двинулся.

— Зачем?

— Чтобы не стоять надо мной, как призрак, ожидающий, когда я совершу ошибку.

— Я не призрак.

— Простите. Как очень красивое несчастье.

Он посмотрел на неё.

Юй пожала плечами.

— Садитесь.

После короткой паузы Бай Чэнь опустился на камень.

Она разложила кашу по двум небольшим чашкам и поставила одну перед ним.

Он посмотрел на неё с явным недоумением.

— Я сказал, что мне не нужна еда.

— А я не спрашивала, нужна ли она вам.

— Тогда зачем ты дала мне чашку?

Юй села напротив.

— Потому что я не хочу есть одна.

Бай Чэнь перевёл взгляд на чашку.

Долго не двигался.

Потом осторожно взял ложку.

Его движения были непривычными, словно он не помнил, как пользоваться простыми вещами. Он попробовал кашу и нахмурился.

— Она безвкусная.

— Там рис, вода и соль.

— Я заметил.

— Тогда зачем вы жалуетесь?

— Я не жалуюсь. Я сообщаю факт.

Юй засмеялась.

На этот раз по-настоящему.

Смех вырвался неожиданно, и она прикрыла рот ладонью, пытаясь остановиться. Бай Чэнь смотрел на неё с растерянностью, которая постепенно сменилась чем-то другим.

Он не понимал, что именно произошло.

Почему она смеялась над такой мелочью. Почему её плечи дрожали. Почему звук её смеха заставлял его забывать о холоде, о дороге и о том, что они находятся в лесу, где время могло обернуться против них.

Он смотрел на неё слишком долго.

Юй наконец успокоилась и вытерла выступившие от смеха слёзы.

— Простите.

— За что?

— За то, что смеюсь.

— Тебе не нужно извиняться за это.

Она посмотрела на него.

В его голосе не было ни насмешки, ни раздражения.

Только непонимание.

— Вы правда так думаете?

— Да.

Юй медленно улыбнулась.

— Тогда попробуйте ещё раз.

Он посмотрел на ложку, затем на кашу.

— Зачем?

— Потому что она не станет вкуснее от того, что вы будете на неё сердиться.

Бай Чэнь взял ещё одну ложку.

На этот раз ничего не сказал.

Юй отвернулась к огню, чтобы он не заметил улыбки.

А Бай Чэнь продолжал есть — медленно, почти осторожно, словно пытался вспомнить ощущение, которое давно утратил.

Позже, когда огонь превратился в красные угли, Юй заметила, что Бай Чэнь смотрит на её руки.

— Что такое?

— У тебя шрам.

Она опустила взгляд на небольшой след у основания большого пальца.

— Порезалась ножом, когда была маленькой.

— Чем ты занималась?

— Пыталась нарезать яблоки.

— И порезалась?

— Как видите.

Он протянул руку, но остановился, не коснувшись её пальцев.

— Можно посмотреть?

Юй удивилась.

Не просьбе.

Тому, что он вообще спросил разрешения.

Она протянула ему руку.

Бай Чэнь осторожно повернул её ладонью вверх. Его пальцы были холодными, но на этот раз Юй не отдернула руку.

Он изучал шрам с таким сосредоточенным выражением, словно пытался прочесть на коже древнюю надпись.

— Я знал женщину, у которой был такой же, — сказал он.

Юй почувствовала, как внутри всё напряглось.

— Ту, которую вы любили?

Бай Чэнь медленно отпустил её руку.

— Да.

— Она тоже резала яблоки?

Он посмотрел на огонь.

— Нет. Она пыталась вытащить нож из дерева.

Юй моргнула.

— Зачем?

— Потому что я сказал ей, что она не сможет.

— И она решила доказать обратное?

— Да.

Юй невольно улыбнулась.

— Похоже, она была упрямой.

— Очень.

В его голосе прозвучала такая мягкость, что Юй впервые смогла представить женщину из его воспоминаний не как призрак в красном платье, а как живого человека.

Кем бы она ни была, она смеялась, спорила, совершала глупости.

Она не была только чьей-то потерей.

— Как её звали? — спросила Юй.

Бай Чэнь замер.

Долгое время он не отвечал.

Потом произнёс:

— Я не могу вспомнить.

Юй нахмурилась.

— Как это?

— Я помню её лицо. Голос. Руки. То, как она смотрела на меня, когда сердилась. Но имя...

Он сжал пальцы.

— Имя исчезло первым.

Юй почувствовала странный холод.

— Почему?

— Я пытался забыть её.

— Но вы же сказали, что пришли сюда, чтобы избавиться от последнего воспоминания.

— Да.

— И всё-таки не можете вспомнить её имя?

— Нет.

Он посмотрел на неё.

— Иногда я думаю, что именно поэтому не могу отпустить её. Я забыл, как её звали, но помню всё, что было связано с ней. Будто память оставила мне только то, что причиняет боль.

Юй молчала.

Она не знала, что сказать человеку, который потерял даже имя любимой, но продолжал помнить её последние мгновения.

Впервые за всё время она не чувствовала к нему ни раздражения, ни страха.

Только печаль.

— Может быть, — тихо сказала она, — вам не нужно вспоминать её имя, чтобы помнить, что вы любили.

Бай Чэнь посмотрел на неё.

— А если я не хочу помнить, что любил?

Юй не отвела взгляда.

— Тогда, возможно, вы пытаетесь забыть не её.

Он нахмурился.

— А что же?

— Того, кем вы были рядом с ней.

Бай Чэнь замер.

Огонь тихо потрескивал между ними.

Юй не знала, откуда взялись эти слова. Она не была мудрецом и никогда не умела разбираться в чужих сердцах так хорошо, как разбиралась в чайных ароматах.

Но иногда человек пахнет печалью так же отчётливо, как чай — дымом.

И Бай Чэнь пах именно ею.

Он отвёл взгляд.

— Ты слишком много говоришь.

— А вы слишком мало.

— Возможно.

Юй улыбнулась.

— Значит, мы оба неидеальны.

Бай Чэнь посмотрел на неё, словно впервые услышал подобное предположение.

Потом тихо произнёс:

— Возможно.

Ночью Юй проснулась от холода.

Огонь давно погас, и беседку заливал серебряный лунный свет. Она потянулась за плащом, но обнаружила, что он лежит не рядом, а укрывает её плечи.

Бай Чэнь сидел у входа в беседку.

Он не спал.

Разумеется, не спал.

Юй приподнялась на локте.

— Вы всю ночь собираетесь сидеть там?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы никто не приблизился.

Она посмотрела на тёмный лес.

— Здесь кто-то есть?

— Всегда кто-то есть.

Юй подтянула плащ к подбородку.

— Это должно меня успокоить?

— Нет.

— Тогда почему вы так говорите?

Он повернулся к ней.

— Потому что ты спрашиваешь.

Юй вздохнула.

— Вы ужасно неудобный человек.

— Я дух осени.

— Это не оправдание.

Он ничего не ответил.

Некоторое время они молчали.

Затем Юй спросила:

— Вы правда никогда не спите?

— Нет.

— И никогда не едите?

— Нет.

— И никогда не мёрзнете?

— Нет.

— И никогда не скучаете?

Бай Чэнь посмотрел на неё.

— Раньше не скучал.

Юй замолчала.

Она не знала, почему эти слова прозвучали почти как признание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.